

A romantic illustration of a man and a woman in a garden at night. The man, with dark hair and a slight smile, wears a light-colored long-sleeved shirt and has his arms around the woman. The woman, with long brown hair and blue eyes, wears a white dress with a dark sash and holds a single red rose. They are standing in front of a large, dark building with arched windows that are glowing with warm light. To the left, there are trees and a man in a top hat sitting on a bench. To the right, there are red roses. The overall mood is romantic and elegant.

Кристина Юраш
Фея
ДРАКОНЬЕГО
СЕРДЦА

Annotation

Бедный, но очень гордый герцог Венциан Аддерли, чей отец спустил все состояние в погоне за Алмазами, остро нуждается в деньгах. И решил затеять с богатым другом спор на зачуханную садовницу. Из которой предстоит сделать леди. Друг согласился, не веря в успех предприятия. Кто бы мог подумать, что в простую садовницу влюбятся и гордый дракон, зарабатывающий свой первый капитал. И неуклюжий аристократ, который полагается на наследство богатенькой тетушки и удачную женитьбу. Кого выберет героиня?

- [Фея Драконьего Сердца](#)
 - [Глава первая. Мамзель](#)
 - [Глава вторая. И шо дальше?](#)
 - [Глава третья. До свидания, граф!](#)
 - [Глава четвертая. Мышь волосатая!](#)
 - [Глава пятая. Как ругаются благородные дамы](#)
 - [Глава шестая. Запертый в теле](#)
 - [Глава седьмая. Драконий этикет](#)
 - [Глава восьмая. Запреты не для феи](#)
 - [Глава девятая. Тайна Тети Патти](#)
 - [Глава десятая. Фея драконьего сердца](#)
 - [Глава одиннадцатая. То, что скрывали розы](#)
 - [Глава двенадцатая. Жадный дракон](#)
 - [Глава тринадцатая. Сад не может остаться без феи](#)
-

Фея Драконьего Сердца

Глава первая. Мамзель

— Раздевайся, красавица! Долго я тебя еще уговаривать буду? — слышался раздраженный мужской голос. — Я что? Вечность буду ждать, пока ты снимешь с себя платье? Двери закройте, чтобы не убежала!

Темноволосый красавец обернулся, бросив взгляд в самый дальний угол комнаты. Его синие глаза сощурились. Рука тут же потянулась к бокалу.

— Вот сразу знала, что соблазнять собрались, растудить вас тудить! Вы не посмеете! Вы ентот, как его жентельмен, коза вас в трещину! То шо я служанка, еще не значитя, шо я буду платюшко снимать перед жентельменами! Не тому меня мамка названая в деревне учила! Она сказала мне, шо если я платюшко перед господами сымать буду, то все! Назад дороги не будет! — слышался хрипловатый женский голос.

Грязная девушка со спутанными волосами стояла и переминалась с ноги на ногу. Волосы, никогда не видевшие мыла, напоминали гнездо, в котором не хотел бы отложить свои яйца ни один приличный дятел. Даже самый голодный и непритязательный.

— И не соблазняйте! Даже не пытайтесь! — шмыгнул нос.

— Платье, говорю, снимай! — снова слышался раздраженный приказ, пока грязные босые ноги переминались в углу роскошной комнаты.

— Не сыму! Сначала жонитесь! — обиделась девушка, прижимая разорванное платье к груди. — И не просите! Вы, конешна, жентельмен знатный, а кто я такая? Простая девка! Мне еще замуж выходить, ядрена мышь! Как же я без енотой, как его... Ну вы — мужик, вы знаете! Выходить буду? Шо я мужу покажу? Кукиш с маслом? Мне же ее на свадьбе показывать надобно!

— Кого? — удивился красивый высокий мужчина, нервно расхаживая по комнате в дорогом халате. На столике стоял бокал, который он с выдохом опрокинул в себя залпом.

— Ну эту! Девственницу! — вспомнила слово оборванка, глядя подозрительно из-за шторки грязных волос. — Я же ее всей свадьбе

показать должна! Так шо платье не сыму! И не просите!

— Мне плевать на твое «замуж»! И на твою девственность! — слышался раздраженный голос красавца. К грязным обноскам, которые когда-то были платьем потянулась рука. — Снимай быстро! Я кому говорю!

— И не подумаю! Можете силой содрать!! — шмыгнул грязный нос, а грязная девушка в углу засопела. — Коли так, то визжать буду! Громко! Шоб все знали!

— И кто тебя здесь услышит? — синие глаза красавца обвели роскошную комнату.

— Ваша ... ента, как ее... сохвесть, будь она не ладна! — вякнула девица, утирая нос и выпячивая обиженную потрескавшуюся губу.

— О, поверьте, она ослепла и оглохла, — рассмеялся красавец. И тут же стал серьезным. Его глаза сверкнули. — Снимайте! Живо! Или я зову слуг! У вас есть время подумать, но я считаю до трех! Раз... Два... Я деньги проигрываю!

«К дьяволу этого Бенджамина Беранже! К дьяволу эти деньги! К дьяволу этот глупый спор!», — думал в этот момент красавец, швыряя бокал в камин.

— Вы сами его затеяли, сэр Венциан, — слышался воробьиный голосок. В комнату с подносом вошла старенькая женщина. Ее белые манжеты сверкали идеальной белизной. На голове был начес, сколотый шпильками, а на ногах черные, блестящие туфли.

— Мисс Миракл, я прошу вас! Не лезьте не в свое дело! — раздраженно отмахнулся молодой красавец, нервно расхаживая по комнате. — Три!

— Иииии! — слышался оглушающий визг на все поместье. Даже окна зазвенели. И ложечки в чашках с чаем. — Ииииии!

— Подождем, когда она наорется, — сквозь визг слышался голос Венциана. — Рано или поздно она успокоится!

— Рано или поздно мы все там будем, — вздохнула няня, пытаясь перекрыть дикий визг. — Юная леди! Снимите свое грязное платье! И пройдемте в ...

— Иииииии! — визжал отчаянный голос в углу. — Насилуют! Грабят! Ииииии!

Шла уже третья минута, а ничего не менялось. Старинные часы над камином показывали без пяти шесть.

В этот погожий день ничего не предвещало неприятностей. Авильтонское солнце тусклым светом освежало огромное поместье, по дорожке которого мчался запыхавшийся джентльмен. Он был склонен к полноте и драматизму, поэтому для убедительности размахивал бумагами.

— Венциан! Я женюсь! — чуть не растянулся он на ступеньках и тут же одернул слугу. — Где хозяин?

— Он в саду, господин Беранже! — кивнул старый дворецкий. — В беседке!

— Венциан! Я женюсь! — развернулся неуклюжий джентльмен, бросаясь в сторону беседки. Он кое-как добежал, запыхавшись до вскочившего друга. — Только я еще точно не выбрал на ком! Но вот список невест, который мне прислали! Но есть одна...

Светлые, кудрявые волосы Беранже даже в тусклом свете отливали золотом. На нем был светлый камзол и нежно-голубой нашейный платок. Он сжимал подмышкой трость и перчатки.

— И с чего это, мой друг, Бенджамин, ты решил жениться? — спросил его тот, кто сидел в беседке, вытянув ноги. — Бросьте, это гиблое дело! Лучше заведите себе собаку. По крайней мере, в свете она не будет никому строить глазки. И вы никогда не застукаете ее в постели с любовником!

— Ты не понимаешь, Венциан, — все еще тяжело дышал Бенджамин, плюхаясь на лавку рядом. — Она... Она такая... Ну прямо... Такая... У нее такой... Ну ты понял... Я смотрю на нее и... Но есть вторая... Во смотришь на нее и ... Ну там все при ней...

— После такого точного описания, я, чувствую, как узнаю красавицу из тысячи! — насмешливо заметил Венциан, допивая чай.

Со стороны они напоминали хищного ястреба и холеного белого голубя, усевшихся на одну ветку.

— Дай сюда! — выдернул карточки невест из пухлых ручек Венциан. — Графиня ... Ой, нет! У этой мадемуазель абсолютно нет ни слуха ни голоса! Но она очень любит играть на рояле! Однажды вас найдут повешенным в своем кабинете. Без предсмертной записки! На поясе от халата! Мне кажется, что ее нарочно учили так играть и прививали любовь к музыке, чтобы она вышла замуж минимум раза три!

— Но она... — возразил сэр Беранже, глядя круглыми голубыми глазами на друга.

— Вы просто не слышали, как она играет! Когда они были у нас в гостях, мне пришлось просить мисс Миракл сломать рояль, пока красавица не добралась до него, — небрежно отбросил карточку Венциан.

— Но за нее дают хорошее приданое! — возразил Бенджамин Беранже, обиженно глядя на то, как карточка повисла на роскошном розовом кусте.

— Дальше... Маркиза де Мерье... Она родилась уже ревнивой старой девой, которая выгрызает взглядом женихов из любой пары. Шаг вправо — измена. Шаг влево — измена. Прыжок на месте — попытка переродиться, чтобы изменять! — рассмеялся Венциан, снисходительно глядя на озадаченного друга.

Еще одна карточка полетела в колючие кусты роз. Она так и повисла среди колючих ветвей.

— Да, но ее родители обещали за нее приданое! — возразил Беранже, пытаясь вытащить карточку, но лишь уколол руку.

— О, какие люди! Баронесса Шанте! Сначала вам придется бегать за ней, а потом от нее! — ухмыльнулся Венциан Аддерли, глядя на карточку очередной невесты. — Причем, от нее придется бегать в два раза быстрее!

Еще одна карточка небрежно полетела в кусты.

— Вы меня так без невесты оставите! — возмутился Бенджамин Беранже. — А я уже решил, что женюсь! Поэтому — женюсь!

— Погодите, — прищурился Венциан, бросая карточки в кусты. — Тебе просто нужны деньги? И ради этого ты решил жениться? А ты не мог прийти и сказать мне, друг мой, дай денег? И что? Я хоть раз отказывал тебе?

— Но не буду же я вечно просить у тебя? — насупился Бенджамин. — К тому же... Я отдам! Скоро! Двоюродная тетушка Патти... Я тебе о ней рассказывал... Богатая, старая незамужняя дева, чувствует себя день ото дня все хуже и хуже, так что скоро я отдам тебе эти деньги! Она упомянула меня в завещании! Я точно знаю! Ждем! Со дня на день!

— Чаю? — послышался воробьиный голос. По аллее шла старенькая нянюшка, неся поднос с чаем. — Поздно, я уже принесла!

Сэр Венциан! Вы как сидите! Где ваша осанка! Вы горбитесь, как старый дед!

— Отстань, — отмахнулся Венциан, глядя на чашки с горячим чаем.

Нянюшка разобиделась и направилась в сторону дома маленькими шажочками. Как вдруг послышался истеричный крик кучера и испуганное ржание лошади. А следом донесся грохот, словно двигали что-то огромное.

«Понаставили карет! Не проехать, не пройти!», — донесся возмущенный голос няни.

— Мэм! Вы только что карету сдвинули! — ужасался кучер господина Берандже. — Мэм, вы в порядке?

Вряд ли кто-то ожидал от старушки — божий одуванчик, что она с легкостью сдвинет карету с прохода. Поэтому Бенджамин Беранже смотрел на картину круглыми глазами.

— С ней что-то явно не так, — заметил он, слегка озадачено. — Вы не находите?

— Вернемся к нашим деньгам. Я давно предлагал вам общее дело, чтобы вы, как бедный родственник не сидели голодным стервятником возле постелей богатых! — заметил Венциан, небрежно беря в руки чашку с чаем. Эта грациозная небрежность всегда вызывала восхищение у неуклюжего друга. Он завистливо смотрел на эту самую небрежность, которую так любят девушки.

— Вам легко судить! У вас много денег! — обиделся Беранже, поежившись от упрёка.

— Да, но я хочу еще больше. Пойдем, прогуляемся, — улыбнулся Венциан, беря под руку неповоротливого Беранже. Они шли вместе по аллее, никуда не торопясь. Их тихий разговор не слышал никто, кроме старого дуба.

— Алмазные Копи? — глаза Бенджамина Беранже загорелись. — Ты серьёзно! Копи твоего отца.

— На севере есть месторождение. Но для начала не мешало бы купить несколько магазинов, вложиться в магическую промышленность, — задумчиво заметил Венциан, пока рядом стучала трость его друга. — Я решил, что продолжу то, что начал отец.

— О, да! Я согласен! — с жаром закивал Беранже, представляя ослепительный блеск бриллиантов.

— Только учти, это всегда риск. Огромный риск. И деньги будут не сразу! — предупредил Венциан, мельком глядя на замечтавшегося друга.

— Алмазные копи, — шептал Беранже, представляя гору сверкающих алмазов. — Алмазные копи... Хотя, нет! Это очень опасно! И ниже достоинства джентльмена! Джентльмен не зарабатывает деньги!

— Давай так, я говорю тебе, куда вложиться, ты вкладываешься, — начал Венциан, видя замешательство друга. — И посмотришь, что из этого получится!

— Нет, нет, — замотал головой Беранже, искренне считая, что джентльмен может обзавестись деньгами только за игорным столом или женитьбой. — Так, а как на счет женитьбы? Что скажешь?

— Играть ты не умеешь, жениться каждый год и травить жену у тебя не хватит совести, — улыбнулся Венциан. — Я предлагаю тебе дело.

Венциан посмотрел на друга, понимая, что все красавицы — невесты, сулящие богатое приданное наивному Бенджамину, на самом деле уже давно подбираются к нему самому. «Наивный, добрый муж и богатый любовник, что может быть лучше?», — шептались в свете, глядя на эту парочку. Одни стыдливо- любовные записочки, которые писали влюбленные красавицы Венциану таинственным образом совпадали с инициалами из карточек невест его друга. Но он не хотел расстраивать друга, считая, что все эти падкие на красоту и богатство девушки, просто недостойны этого неуклюжего увальня.

Неподалеку кто-то кряхтел, напевая ужасную песню про то, как матросы матросили бедную девушку. За кустами слышался шелест веток и шмыганье.

— Растудить тебя тудить! — ворчал голос.

— Не расстраивайся, — подбодрил Венциан друга, не обращая внимания на этот неблагозвучный чуть хриловатый голос. — Мужчина не должен рассчитывать на деньги невесты. Приданное важно, лишь тогда, когда ты небогат. Я решил, что если и женюсь однажды, то на приданное я вообще смотреть не буду. И жениться, как вы, ради денег, я не собираюсь! Поверь, отбросив их приданное, отобрав имение, отобрав состоятельных родителей и наследство, они будут похожи на ...

Два джентльмена замерли в ужасе, поскольку прямо из кустов на них смотрел грязный и сопливый пример, отряхивающий с себя ползущего жука.

Глава вторая. И шо дальше?

— Ой, — чуть не осел впечатлительный Беранже, глядя на страшненькую девушку, которая высунулась из кустов, шмыгая чумазым носом.

— Ты не понимаешь, — усмехнулся Венциан. — Она — красавица! Если ее отмыть, почистить, надеть на нее нарядное платье, то она еще даст фору всем твоим маркизам герцогиням!

— А происхождение? — ужаснулся Бенджамин, который так явно не считал. — А благородство кровей? А манеры?

— Титул можно купить! Достаточно заплатить какому-нибудь обнищавшему и престарелому маркизу, чтобы он тут же признал в ней давно потерянную внебрачную внучку! — заверил Венциан, не сводя глаз с давно нечёсанных волос. — А манеры можно привить. Да так, что ни один граф не скажет, что раньше эта дама ... Кстати, кто это? Я ее ни разу не видел!

— Меня нет, а жопу мою точно видели! Я тут сажу! — шмыгнула носом грязная «красавица». Ее не заботило старое, рваное платье, ветки и листья, застрявшие в волосах.

— Это садовник? — удивился Бенджамин, брезгливо глядя на грязную красавицу. И тут же шепотом добавил. — Я вообще не уверен, что это девушка.

— Не, садовник, сэр, ежели мужик! Я эта... Как его... Слово забыла! — нахмурила лоб девица, теребя в руках оторванную оборку от платья. — Я ...

— Да вы просто... эм... «садист»? — со смехом заметил Венциан, оценивающе глядя на грязные руки и испачканные щеки.

— Да! Я садист! — закивала девушка, сплевывая себе под ноги. — Ну шо? Я могу дальше работать! Розочки сами себя не посодуют!

— Нет, увольте! — замотал головой Бенджамин, часто моргая. — Из нее? Маркиза? Никогда! Я никогда не поверю, что ...

— Давайте спор, — негромко усмехнулся Венциан, оценивающе глядя на грязную в лохмотьях, которая нетерпеливо переминалась с ноги на ногу. Он отвел друга подальше, чтобы красавица не слышала.

— Если однажды с ней будут танцевать лучшие женихи Авильона на королевском балу, который состоится через месяц, вы следуете моему совету! Если нет, то я даю вам сумму в размере приданного самой богатой из ваших невест, и забываю об этих деньгах навсегда.

— А давайте! — обрадовался Бенжамин, с уверенностью протягивая руку, поглядывая на девушку из-за плеча друга и морщась.

— Ну шо? — шмыгнул грязный нос. — Мне долго тут в этом, как его... реферанси стоять? То у меня уже ноги болят и жопа затекла!

— Мне пора! — внезапно подскочил, как ужаленный Бенджамин, глядя на золотые часы. — Тетя Патти обещала не дожить до ужина! Так что я тебя покидаю!

— Беги, — усмехнулся Венциан, пока красавица задумчиво ковыряла в носу и чесалась, не понимая, что происходит.

— Как тебя зовут, прелестное создание? — улыбнулся Венциан, глядя на грязнулю, которая сдула прядь нечёсанных волос и скосила глаза на листик, застрявший в ее волосах.

— Это вы мне, мусье? Эм... Сюзанна! — замялась она, осматриваясь по сторонам в поисках «прелестных созданий».

— Пойдем! — протянул руку в перчатке Венциан, глядя на выкопанные ямы и разбросанные саженьцы. — Пойдем-пойдем, Сюзанна!

— Мне еще засадить нужно! — внезапно вспомнила грязнуля, тут же скрючиваясь над ямой.

— Что? — дернулся глаз графа, когда он смотрел на косолапое нечто. — Так, пойдем! Пойдем! Я найму другого садовника! Пойдем, красавица! У нас с тобой предстоит...

— Шо? — округлила глаза девушка, шлепая босыми ногами по дорожке.

— Ничего. Потом я все объясню! — заметил Венциан, радуясь тому, что он в перчатках.

— О, не может быть! — всплеснула руками мисс Миракл, чуть не падая в обморок. — Вы зачем ее привели сюда! Кто-нибудь! Подстелите бумагу! С нее же грязь сыплется!

Это было час назад. Но сейчас эта грязнуля продолжала визжать.

Венциан дернулся, глядя на красавицу, загнанную в угол. Изначально все казалось намного проще! Может, гувернантка или любая другая девица согласилась бы сразу, но не Сюзанна!

— Пойдемте, — схватила ее за руку мисс Миракл, таща в сторону ванной. Голодранка упиралась, пытаясь вывернуть руку из стальной хватки нянюшки. Она собрала ногами ковер, опрокинула вазу с цветами и визжала, словно ее ведут на эшафот.

Внезапно она вырвалась и бросилась бежать!

— Заприте двери! — скомандовал Венциан, чувствуя, что еще пожалеет об этом глупом споре. Ему хотелось выручить друга, но при этом он понимал, что на занятые деньги долго не проживешь! Рано или поздно придется занимать еще! «Дай голодному рыбу, он съест и попросит еще. Дай голодному удочку и научи рыбачить! И тогда он больше не будет голодать!», — глубокомысленно говорил его покойный отец, помешивая тростью угольки в камине.

Мисс Миракл оказалась ловчее всех. Она схватила красавицу за руку и та упала прямо на ковер, ноя и хныча.

— Пойдемте, мисс, — ворчала старая няня, таща за собой ворох грязи, рыданий и соплей.

Прошел час. Стрелки старинных часов ползли к половине второго. Венциан расхаживал по комнате, думая о том, что слегка погорячился. Из ванной доносились визги и вопли, словно мисс Миракл решила утопить поросенка.

— Не вертитесь! — слышался ее рык. — Иначе будет еще сильнее щипать! Так, платье отодрать удалось! Дорогая, вы когда в последний раз мылись?

— А зачем? — удивился голос, как вдруг истерично завизжал. — Иииии! Убивают! Насилуют!

— Насильник под колено? У, какой затейник! Если вам вдруг попадется такой, сразу сообщите мне! Я смогу предложить ему мои больные колени, а лекарь рекомендовал мне массаж! — послышался строгий голос мисс Миракл, который прерывался горестным плачем. Плач то и дело захлебывался водой, а потом начинался с новой силой.

Вопли продолжались еще с четверть часа, а потом стихли. В комнату вошла мисс Миракл, ведя за собой мокрую, как мышь девушку. Ее мокрые, расчесанные волосы шторкой спадали на лицо.

— Вот, полюбуйтесь, какая красавица! — гордо заметила старушечка, пока по ее платью сползала пена, а на руках алели царапины от ногтей.

Венциан, который уже потерял всякую надежду, бросил ленивый взгляд на девицу, прячущуюся за няней. Та подняла на него глаза, виновато перетаптываясь на роскошном ковре.

В этот момент Венциан замер. Никогда в жизни он не видел такой красавицы. Огромные зеленые глаза, маленький вздернутый носик, тонкие черты лица и пухлые губки, которые надулись в знак обиды, навсегда отпечатались в памяти Венциана, который смотрел на девушку, забыв, о чем хотел сказать.

Может, это тусклый свет, пробивающийся из-за неплотных штор, может это статуя с корзиной цветов, а может это все вместе взятое, но девушка сейчас напоминала прекрасную фею. Только без крыльев. Фею, чудом очутившуюся в мире людей.

— Я ... я... — поднял брови Венциан, все еще недоумевая, как сумел разглядеть алмаз под лохмотьями и грязью. «Наверное, это была просто случайность», — успокоил себя Венциан, все еще изумленно глядя на девушку.

«Алмаз!», — пронеслось в голове Венциана. Он вспомнил алмазные шахты, которые достались ему в наследство и требовали немалых вложений. В этой грязи и темноте добывалось то, что однажды сверкнет гранями в коронах и диадемах. Вызовет вздох восхищения и зависти.

Он чувствовал себя шахтером, который только что устало ударил киркой, отколов кусок грязной породы, как вдруг увидел огромный алмаз.

— Шо теперича? — внезапно произнесла прекрасная фея, разрушая очарование момента.

Глава третья. До свидания, граф!

Красавица шмыгнула носом, пока мисс Миракл, приказывала сжечь старое платье.

— Со всеми его постояльцами! — крикнула она вдогонку дворецкому, который на двух палках нес по коридору драные лохмотья.

— Теперь ей нужно платье! — оживился Венциан, глядя на мнущуюся фею. Пока она молчала и стояла, появлялся какой-то шарм, но стоило ей открыть рот, как все! — Несите материно платье! Пусть пока в нем походит!

— Все, теперича меня замуж не возьмут, — суксилась фея, присаживаясь на пол и обнимая колени. — Падшая я! Вот, глист корсетный! Надо же мне так вляпаться-то, а?

Служанки спешили с платьем из гардероба покойной миссис Аддерли. Красивое платье с розами смотрелось так, словно сошедшее со страниц детской сказки.

— Надевайте! И панталоны! — командовал Венциан, пока дворецкий и няня держали девушку.

Десять минут возни и перед ним стояла прекрасная фея. Странное, незнакомое чувство на мгновение сжало его сердце. Розовое платье подчеркивало бледность лица, которое не коснулось солнце из-за слоя грязи.

— И шо? — хмуро спросила фея, вытирая соплю о платье. — Теперича, после того, как вы меня обесчестили, я могу идтить топиться?

— Нет, теперь вы — благородная мадемуазель, — строго произнес Венциан. Красавица задумчиво молчала, а очарование снова кралось по комнате, окутывая сердце молодого красавца.

— И шо? Теперича жопу почесать нельзя? А если жуть как чешется! Ее вон как натерли! С мылом! — удивилась фея, заглянув себе за спину и снова разрушая волшебство.

Чувство, на мгновение сжавшее сердце Венциана, отпустило, и трусливо спряталось в глубины души, обещая не появляться больше никогда.

— Вам выделяют комнату, — решил начать Венциан, чтобы красавица привыкала к «вы». — Вы будете спать в ней! Мисс Миракл, отведите нашу гостью в ее комнату! Пусть поужинает одна, а завтракать мы будем вместе!

— Ничего у вас не получится, — покачала головой мисс Миракл, глядя на то, как девица поднимает юбки аж до самых плеч.

— Значит, получится, — усмехнулся Венциан, представляя, что ему еще предстоит! При мысли о том, что до бала еще месяц, у него кружилась голова и подкатывал нервный ком.

Венциан остался один в комнате. На столе лежали бумаги отца, в которых черным по белому было написано, что Венциан — банкрот. Кроме няни, парочки слуг, кареты, поместья и титула граф Аддерли, у него ничего не осталось. Но показать, что Аддерли переживают далеко не лучшие времена, и вряд ли переживут, он не имел права. Поэтому изо всех сил старался держать марку, рассказывая всем про огромное наследство.

Даже лучшему другу, у которого дела шли намного лучше, чем у него, он не признался в том, что его отец потратил последние деньги на эти проклятые копии, которые подарили всего два алмаза. А украли все деньги и отца.

— Проклятые копии! — выругался Венциан, швыряя бумаги и падая на кровать.

Те деньги, которые он с трудом наскреб, юный граф собирался вложить в магазин, но даже их не хватало! Поэтому средства друга были как нельзя кстати.

Венциан долго лежал, вспоминая разговор, а потом сам не заметил, как уснул.

Ему снился королевский бал. Все гости с замиранием сердца смотрят на роскошную красавицу, усыпанную драгоценностями. Она дарит улыбки всем вокруг, а все перешептывались, кто это такая? Кого это вывели в свет? Гости млели, а красавица внезапно остановилась. Она шмыгнула носом и совсем не мелодичным голосом заметила.

— И что? Раз я благородная мамзель, мне и жопу почесать нельзя? А если чешется? — искренне удивилась она.

— Ааа! — дернулся в постели Венциан, глядя, что за окном стоит серая ночь. Он пытался отойти от этого сна, задыхаясь и тряся

головой.

«Это просто сон!», — успокаивал он себя, расхаживая по комнате.

Нет, разумеется, он мог бы попросить денег у кого-то из близких друзей отца, но тогда пришлось бы признаться, что отец не оставил ему ничего! А это ударит по фамилии. Поэтому оставалось лишь пойти на хитрость.

— Господин! — топала по коридору и орала служанка. — Она исчезла! Окно открыто, а она исчезла!

— Как? — вскочил Венциан, глядя на себя в зеркало. — Как исчезла?

Он накинул халат, бросаясь в коридор. Мисс Миракл стояла возле двери, держа в руках свечку. Ветер трепал огонек, а по подоконнику шлепали старинные занавески. Высунувшись по пояс в окно, Венциан высматривал в темноте силуэт беглянки.

Он вылез в окно, под душераздирающие крики мисс Миракл.

— А вдруг я однажды буду чьим-то любовником? Мне полезно! — бросил он, пытаясь понять, куда дала деру неблагодарная девица.

Полночи он рыскал по саду, в надежде найти эту голодранку.

— Нет, значит, я ее отмыл, приодел, а она... — злость прямо захлестывала Венциана, когда он набрел на старый садовый домик. Открыв скрипучую дверь, он увидел, как на мешках с навозом и грунтом, оставшихся с лучших времен, спит розовая фея. Вокруг нее были саженцы магических роз, цветущих круглый год. Нежные озовые розы, розовое платье и спящая красавица, чьи локоны отливали золотом в тусклом свете маленького оконца, показались ему сказкой, которую читала в детстве мама.

Она была так нежна, словно роза, к которой хотелось прикоснуться. Застыв в дверях, Венциан смотрел на мягкие складки платья, на вздернутый носик и пушистые ресницы. Но самым красивым ему показались ее алые губы, напоминающие лепестки роз.

О, сколько магических ухищрений используют благородные девушки, чтобы добиться той самой соблазнительной «алости», сколько притирок и припарок они использовали, чтобы придать глазам ясность, ресницам густоту! А тут без единого взмаха кисточки...

— Харррр! — гнусавым басом выдала красавица в мятом платье, поворачиваясь на другой бок. И бормоча что-то про: «Куды прешь,

сиська тараканья! Не видишь, люди тут ходють!».

— Показалось! — прошептал Венциан, отгоняя наваждение и дергая за руку сонную фею. Так распахнула глаза и испуганно посмотрела на него, пытаясь дать деру. И только сейчас он увидел, что под ее головой лежат свернутые панталоны.

— Вставай! — грубо произнес Венциан, пытаясь воззвать к чужой совести.

— А шо такое? — прищурилась красавица, водя носом туда — сюда. — Шо случилось?

— Ты случилась! — снова грубо произнес Венциан, таща ее и панталоны в дом. — Ты почему сбежала? Почему я должен рыскать по саду ночью?

— Пустите! — завизжала фея, пытаясь укусить его за руку. — Знаю я вас, жетельменов! Теперича я ваша любовница! Как я до такого докатилась, блошь панталонная!

Венциан вздрогнул, глядя на каштановые локоны и красивый профиль. Может, она действительно чья-то внебрачная дочь? Может, какая-нибудь служанка, уезжающая из столицы в деревню, уносила не только месячное жалование, но и еще кое-что, о чем догадается позже.

— Ты откуда? — спросил Венциан, забыв, что обещал себе исключительно «выкать».

— С деревни! Меня привезли и оставили у бабы одной. Ей щедро заплатили и слиняли! Мне так рассказывали. Мамка у меня типа благородная была! Не шибко она по мне и убивалась! Замуж собиралась, а тут на тебе! Папаня мой приключился! Вот и отвезли меня в деревню! Больше ниче не знаю, — проворчала красавица, вытирая сопли о мамино платье. — Выросла кое-как, и в столицу дернула! Мамку повидать хотелось! В глаза ей взглянуть разочек! Токмо вот, не знаю где она! Вот усе бы отдала, мышь волосатая, чтобы эту мамку найти! Это щас я башкой понимаю, шо, не рада она меня видеть! А тады, кады ломанулась, думала, шо ждет.

«Я бы мог сейчас сделать с ней все, что угодно!», — пронеслось в голове Венциана, когда он видел, как она идет, склонив голову, и думает о чем-то своем. Станные мысли, словно невидимая черная рука вседозволенности потянулась к розовому платью, которое небрежно обнажило круглое плечико.

Глава четвертая. Мышь волосатая!

«Нет!», — одернул себя Венециан, а черные мысли, как черная рука застыла в воздухе.

— И шо? Мне теперича всегда ледей быть? Вот, фуфел мокрожопый, задачка! — спросила красавица, а черная рука нехороших мыслей безвольно повисла, чтобы тут же рассеяться черным дымком.

— Давай договоримся, — улыбнулся Венециан, глядя на мамино платье. — Если ты будешь старательно учиться, то я постараюсь разыскать твоих родителей. Знаешь, многих действительно мучает совесть. И они будут рады принять своих бастардов обратно... Особенно, если так и остались богатыми старыми девами...

— А шо? Так можно? — округлились прекрасные глаза, когда Венциан галантно пропустил ее в дом. — Да растудыть его тудыть! А не обманете?

— Договорились? — спросил он шепотом, чтобы не будить мисс Миракл. Дверь тихо скрипнула.

— Ну, если так, то да! — почесала руку красавица, а потом сплюнула на нее и протянула изумленному Венциану. — Вот вам клятва! Может, маменька и правда будет рада меня видеть! Может, совесть заела!

Осторожно взяв ее за кончики пальцев, с кислой улыбкой граф пожал тоненькую ручку, отмечая, что она слишком изящна для работы. Ссадины и порезы только подживали. А цыпки можно вылечить зельем.

— А теперь марш в постель! — устало произнес Венциан, провожая красавицу до двери.

Выдыхая, он побрел в свою комнату и распластался на кровати, даже не думая раздеваться.

Венциану снился роскошный, сверкающий драгоценностями бал. Он нежно держит за хрупкую талию ослепительную красавицу в розовом платье, которая грациозно кружится на зависть другим парам. В этом опьяняюще сладком танце он испытывал что-то похожее на головокружение от сладкого запаха роз. Его губы тянутся к ее губам.

— Апчху! — слышался громкий чих, больше подходящий портовому грузчику, чем тонкой красавице. — Ну, мышьяволосатая! Ну как же я такушки? А? Вот вошь сивая! Надо же было так осрамиться-то! Главное, соплю держу-держу, как вы учили! Но потом как ... Просто тут все так надухарились! Аж глазенки выедает!

Венциан проснулся с протяжным стоном.

— Завтрак! — напомнила мисс Миракл, раскрывая шторы и пуская тусклый свет в комнату — Ваша леди еще не сбежала!

«Уже хорошая новость!», — обрадовался граф, соскальзывая с кровати. В старой столовой давно не накрывали роскошных столов.

— Доставайте фамильный сервиз! — вертел головой Венциан, вытряхивая из старой вазы какие-то сухие ветки. — И розы! Прикажите садовнику... Ой, забыл! Я сам срежу! Не пускайте ее в комнату!

Огромный букет стоял в вазе, а Венциан рассматривал свою руку, в которую впился шип. В столовой все выглядело вполне пристойно.

— Вот! — произнесла мисс Миракл, ставя две деревянные плошки. — Пока не разобьете, сервиз не дам!

Она поправила розы, как вдруг дверь открылась, а в комнату вплыла фея. Судя по запаху здесь было целых двадцать фей. От удушающего запаха духов у Венциана запершило в горле.

— Ну шо? Похожа я на благородную мамзель? Я нашла духи и надухарилась! — спросила прекрасная фея, плюхаясь на стул и потирая руки, жадно нагребая себе в тарелку какую-то стряпню, за которую юный граф чуть не покраснел.

— Нет! — возмутился Венциан, вытаскивая ее из-за стола. — Вы должны вести себя так, словно едите каждые пять минут, и вас тошнит от еды. Это понятно? И как вы ходите? Спину ровно! Можете выпрямиться?

— То спину ровно, мышьяволосатая! То от еды тошнить, петушиная отрыжка! — возмутилась красавица, судя по шелесту, почесывая ногу об ногу. — Я все не запомню!

— Няня! — крикнул Венциан в коридор. — Несите маменькин корсет!

— Ох ты ж, тля ползучая! — выдохнула фея, когда мисс Миракл дернула завязки. Спина тут же выровнялась, а голос стал

сдавленным. — Я ж так помру, утка распердушинная! Куда ж я жрать теперь буду? Ууу! Костоломы!

— Медленно и по чуть-чуть! — терпеливо заметил Венциан, тяжело опираясь руками на каминную полку, на которой стоял подсвечник.

— Свежая газета, сэр, — произнес старенький дворецкий. Но его глаза напоминали о жаловании за этот месяц.

Венциан развернул газету и замер. «Королевский бал перенесли на три недели вперед в связи с празднованием пятисотлетнего юбилея столицы! Он состоится уже в это воскресенье на радость всем жителям столицы!».

Казалось, ничто не могло заставить Венциана покачнуться, когда он представил, что у него есть всего неделя, чтобы привести эту даму в порядок. «Что же делать?», — вертелась в голове единственная мысль.

— Хорошо, — бросил он газету в камин, не интересуясь другими новостями. Одной новости ему хватило с головой, чтобы решительно шагнуть в сторону задыхающейся красавицы. Если он не может изменить ее, то может выдрессировать, заставив делать все в точности, как нужно! Как актрисе, которая просто выучит свою роль.

— Вставай, — произнес он, снова забывая, что обещал себе быть на «вы». — Вышла за дверь, осторожно приоткрыла ее вошла! Нежно, как бабочка!

— Вы бабочек видали? Обычный жуки, жеваный крот! — заметила фея, ничуть не обидевшись и пожимая красивыми плечами. — Жрут все, что ни попадя! Особенно беленькие! Вот те еще те засранки! Как присядут, так пол капусты обожрали!

— Няня! — крикнул Венциан, глядя на прическу. — Несите шар! Стекланный! Да, тот тяжелый! Сейчас будем делать ей прическу!

— Это шо еще за новостя такая, мышь волосатая? — ужаснулась фея, когда няня принесла старый шар, наматывая на него волосы. — Я шо? С ним так и буду ходить?

— Не вертитесь! — возмутилась мисс Миракл, старательно придумывая прическу.

— Благородные леди не говорят «мышь волосатая»! — заметил Венциан, глядя на суксившуюся красавицу, которая пыталась спасти руками свои волосы.

— Как скажете! Ай, да жупень кажилистый! Да шож так дергать! Ну да, чай волосы не казеные! — возмущалась фея, когда нянюшка перекидывала пряди так, чтобы скрыть шар.

— И «жупень кажилистый» леди тоже не говорят! — выдохнул Венциан, теряя терпение. — Постарайтесь не употреблять такие выражения!

— А че вам мышь волосатая сделала-а-а! — взвизгнула будущая леди, когда нянюшка в последний раз продрала гребнем красивые, густые волосы. — Как же теперича ругаться? Или леди всегда всем довольны? А как же! А че рожи у них кислые?

Венциан задумался на секунду, пока няня заканчивала прическу.

— О, нет, благородные леди тоже ругаются! — заметил Венциан, решив, что ничего другого не остается. — Только у них есть одно очень страшное ругательство! Только я не буду вам его говорить, а то запомните!

— И какое-такое ругательство? — оживилась фея, скосив глаза на огромные валик прически, сооруженный няней.

— Сейчас нянюшка уйдет, и я вам его скажу, — усмехнулся Венциан, скользнув взглядом по двум красивым полушариям, затянутым в тугой корсет.

Стоило нянюшке уйти, как он очутился рядом с красавицей. Осторожно убрав каштановый завиток волос, отливающий золотом, он склонился и прошептал в розовое, недавно отмытое ушко.

— Благородные леди говорят «Ах!». Чуть что, так сразу «Ах!», — заметил он, рассматривая красивую шею, которая обнажилась благодаря высокой прическе. Такой шее могла бы позавидовать любая графиня.

— Тю! — шмыгнул нос, а сопля вытерлась о розовое платье. — Тоже мне! Удивили! Я-то думала, чей-то позабористей! Что — то вроде... суспесь рыхлая!

— «Ах!» — это сокращение от... — склонился к уху Венциан, невольно залюбовавшись красивой шеей.

— О! — округлились красивые глаза. — Будем знать!

Венциан улыбнулся, понимая, что говорит то, что сам только что придумал. Но разве очаровательные ушки не созданы для того, чтобы в них ввали?

— Итак, как вам ваша прическа? — спросил Венциан, глядя на то, как красавица сопит.

— Это же просто ах какой-то! — произнесла она, вызывая у молодого графа вздох облегчения. — Я ах как проголодалась! Когда, ах, жрать будем?

Глава пятая. Как ругаются благородные дамы

— Фу, как вам не стыдно так ругаться! — покачал головой граф, в надежде, что высшее общество не узнает ничего про волосатую мышь.

— Погодите! Значится, благородные мамзели ругаются на каждом шагу? — удивленно воскликнула фея, видимо, что-то припоминая.

Довольная фея предвкушала свой аристократический дебют.

— Ну почти! — выдохнул Венциан. — А теперь еще раз войдите и остановитесь у стола. Представьте, что вокруг вас много-много людей...

— Для чего я тут у стола топтаться буду, ах? Все сожрут до меня, ах! — спросила фея, ковыляя к двери. — Тут ах как быстрее надобно! Чтобы усе эти ахи не сожрали!

Венциан чувствовал, что нащупал незримую нить, за которую стоит потянуть.

— Смотрите, — махнул он рукой. — В высшем обществе все просто! Вы подходите к столу и смотрите, чтобы вам не плюнули в суп! — воодушевился граф, показывая, как должна вести себя примерная леди. — Потом какой-то ...

— Сын моржовый! — подсказывала фея.

— Сын моржовый, именно! — улыбнулся граф, поражаясь, откуда в такой очаровательной голове скопилось столько ругательств. — Попытается украсть ваш стул! Так принято!

— О! — округлились глаза феи, которая не подозревала, что в благородном обществе принято воровать стулья.

— Идите сюда! Ну-ка, пробуем! — усмехнулся Венциан, снова глядя на золотистый локон, который выпал из прически и дразнил своей красотой.

— Так, идем сюды, смотрим, не харканул ли нам никто в супень? — заметила фея, стоя возле стола.

— И тут какой-нибудь ах пытается украсть ваш стул! — схватился за стул граф, потянув его на себя. — И в этот момент вы должны присесть на него. Чтобы воровать стул стало сложнее! О, у вас получается!

— Правда? — удивилась фея. — Не знала про ледей такого! А они жопой стул пасут!

— Именно, — кивнул граф, заправляя стул вместе с феей за стол. Он даже присел рядом. — А теперь смотрите сюда!

— Здесь стоко всего? — удивилась фея, глядя на разложенные приборы и салфетки с гербом Аддерли.

— Нужно взять салфетку и постелить ее себе на колени! Так делают все леди! — слышался голос графа, который тут же расправил салфетку. — В нее воруют еду со стола! Только не складывают, а что упало! Древняя традиция!

— А мужики почему ее в шиворот заправляют? — удивилась фея.

— Мужчины не любят воровать еду со стола и доверяют это дело женщинам, — вздохнул Венциан. — Только смотрите, когда туда что-то упадет, просите слугу унести. И вам постелят новую. Понятно? Правда, по дороге это могу съесть, но ничего не поделаешь...

«Если бы меня сейчас кто-нибудь слышал!», — ужасался сам себе Венциан, глядя на то, как тоненькая ручка хватается за ложку.

— Маленькая вилка для салата! А большая для горячих блюд! Чтобы руки не обжечь! — продолжал граф, пока фея кивала. — Большая ложка для супа, маленькая чайная. Короче, начинаешь есть с вот этих ближних приборов, а потом переходишь к дальним. Итак! Давай пробовать! Я говорю блюдо, вы хватаете приборы.

Перед феей стояла пустая деревянная тарелка.

— Суп! — произнес граф, видя, как фея замешкалась, а потом к его облегчению схватила большую ложку. — Салат! Нет... Нет... Да!

Через полчаса фея ловко хватала приборы, почти не задумываясь.

— Победа, — прошептал Венциан, устало падая на стул. — А теперь можете приступать.

Жиденький суп выигрывал за счет душистых приправ. Он вздохнул и принялся за еду, как вдруг по другую сторону от свежего букета услышал страшные звуки. Эти звуки вряд ли могло издавать милое и хрупкое создание. Казалось, что за букетом роз поселилось кровожадное чудовище, решившее совместить два приятный процесса. Поесть и продолжить род одновременно.

— Не надо стонать! — произнес Венциан, выглядывая из-за букета. Он уже пожалел, что притащил эти розы. — А то слуги

подумают, что это вкусно и уйдут к другим хозяевам, где платят больше!

— Ну енто понятно! — послышался голос. Венциан встал, глядя как с жадностью пустеет деревянная тарелка. Он смотрел на свою, а потом на то, как последняя капля из перевернутой тарелки исчезает на красивых губах феи.

— Вы как себя чувствуете? — усмехнулся Венциан, присаживаясь на край стола, что уже было верхом неприличия.

— Ниче? А как надобно? — удивилась фея, ставя тарелку на стол.

Венциан на секунду вышел из столовой, идя в кабинет отца. Открыв магический замок, он достал из шкафчика странный порошок и спрятал его в рукаве. Все происходящее казалось ему странным сном. — Вот, ешьте, — послышался голос Венциана. — Только не все!

Он протянул свою тарелку, пряча полупустой флакон обратно в рукав.

— Знаете, — заметил он, трогая розы. — В высшем обществе принято травить друг друга. Просто ради приличия. Пришел в гости, тебя не отравили, значит, тебя не было в гостях! Но обычно яд добавляют чуть-чуть... Чтобы было время распрощаться, сесть в карету и помереть по дороге! Поэтому хитрые гости едят не все, что на тарелке.

— Вы что такое говорите? — ужаснулась мисс Миракл, показавшаяся в дверях.

— Няня, уйти, я прошу тебя! — отмахнулся граф, выставя на стол флакон. Дверь обиженно захлопнулась.

— И как есть теперича? — ужаснулась фея, глядя на обычное рвотное, которое так и не распечатали.

— Медленно и не до конца! — заметил граф, поигрывая флакончиком. — Так что сразу предупреждаю. Суп отравлен. Но он очень вкусный!

Опасливо ложечка поднеслась к красивым губам, которые распахнулись, чтобы принять ее. Этот жест заставил графа смотреть, как зачарованного.

— Вот? Я не сильно отравилась? — испуганно спросила фея, оставив половину супа в тарелке.

— Нет, я хоть и подсыпал яд, в знак уважения, — улыбнулся Венциан, пряча флакон. — Но не так, чтобы отравить!

— Ах, как все сложно! — замотала головой фея, растирая щеки. От этого они стали нежно — розовыми, словно их только что покрыли румянами. Она схватила бокал с розовой водой и стала пить так, что пошее потекли струйки. Графу хотелось остановить ее, но он смотрел, как зачарованный на то, как струйки воды исчезают в корсете, украшенном розами, огибая белоснежные полушария.

— Уф, — заметил Венциан, морщась и отгоняя наваждение.

— Итак, продолжим! — произнес он, а фея завертела головой.

— У меня уже башка пухнет! — трясла она головой, прижимая руки к вискам.

— Хорошо, — смиловился Венциан, глядя на несчастную красавицу. — Вы все запомнили?

— А вы точно мамку поищете? — заметила красавица, вставая из-за стола и опрокидывая стул. Пока она поднимала стул, на пол полетела тарелка с остатками супа.

— Можете пока отдохнуть, — вздохнул Венциан, наклоняясь и слегка ударяя ее по рукам. — Никогда не наклоняйтесь! Слуги все приберут!

В тот момент, когда он легонько шлепнул ее по руке, он осознал, что сделал это нарочно. Поймав себя на мысли, что ему просто захотелось к ней прикоснуться, граф выпрямился, глядя на растерянную фею.

— И последнее правило на сегодня, — вздохнул он, глядя на красавицу, сминающую платье. — Если случился какой-то ... конфуз, вы что-то случайно уронили, разбили, сломали, опрокинули, наступили на ногу, вы должны мило улыбнуться и извиниться. О, простите сэ, я была такой неловкой! И улыбочка! Запомнила?

По несчастным глазам было понятно, что, видимо, нет.

— А теперь я прошу у вас разрешения покинуть комнату, — произнес граф, слегка поклонившись.

— У меня? А с чего бы енто? Я вас че? Привязала че ли? — удивилась фея, отряхивая платье привычным движением. — Или че? Ноги переломала? Да идите вы куда хотите, мышь волосатая... ой! Ах! Это ж надо было так опростоволоситься, глист корсетный... ой, то есть «Ах!».

— Ладно, об этом завтра, — выдохнул Венциан, качая головой и понимая, что все безнадежно.

На пути в комнату ему попался дворецкий, который направлялся в сторону выхода.

— Приглашения еще не рассылали? — спросил Венциан.

— Никак нет! — ответил старенький дворецкий, ковыляя протирать блестящую дверную ручку. — Но есть письмо от вашего друга Бенджамина Беранже!

Глава шестая. Запертый в теле

— Плохо, — выдохнул граф, беря со столика письмо и резво направляясь в свою комнату. Обычно их рассылают за неделю. Что-то не так... Неужели в этом году Аддерли не получают приглашения? Или слухи просочились уже в высшее общество, поэтому нас там решительно не желают видеть!

«Дорогой мой друг! Вынужден задержаться! Тетушка Патти, мучимая угрызениями совести, просила меня о маленьком поручении, которое я не смею разглашать! Но если все пройдет гладко, то я скоро приеду! И буду богат так же как и вы! Кстати? Тебе уже прислали приглашение? Потому что мне уже прислали! Б. Б.»

— Пффф! — усмехнулся Венциан, глядя на остатки богатства. — Нашел на кого ровняться!

Но письмо он не выбросил, а бережно сложил в стопку писем.

Разумеется, никакую таинственную «мамку» Венциан не искал и искать не собирался. Он прекрасно знал, что у каждой знатной дамы, если немного порыться в ее секретах, нашелся бы хотя бы один или одна «Ах, сударь! Как можно устоять перед вашими поцелуями! Только учтите, я почти помовлена!» или «Я боюсь представить, что будет с нами, если об этом узнает мой муж!». Им даже не удосужились дать имена.

Роскошный герб семейства Аддерли раскинул крылья, изогнув шею. Позолота с него слезла, поэтому герб выглядел старинным. Со стороны его можно было принять за птицу, но это был дракон. Очень старый, нищий дракон.

«Нищий дракон», — усмехнулся он, чувствуя, что насмешка лучше всего скрывает любые чувства.

Венциан улегся в постель, чувствуя, что шести дней мало. Слишком мало, чтобы превратить оборванку в девушку мечты. С этими мыслями он закрыл глаза, пытаясь уснуть.

В беспокойном калейдоскопе снов ему снова чудилось, как прекрасная фея танцует с кронпринцем, а потом сморкается в занавеску посреди огромного зала. Как все аплодируют ее дебюту

стоя, а она икает за столом, стоит возле рояля и решает спеть хриплым голосом песню, про то как матросы матросили бедную девушку!

— Что? — проснулся Венциан, ожидая увидеть за окном утро. Но там была ночь. Он внезапно проснулся.

Немного полежав, Венциан услышал, что в доме кто-то ходит. Нянюшка, по своему обыкновению, спала как убитая. Семья дворецкого на ночь уходила в восточное крыло.

Запахнув халат, сонный граф осмотрелся и вышел из комнаты. В последнее время этом доме бывало не так много гостей. В прежние времена, разумеется, гости были постоянно. Но сейчас в доме оставался старенький дворецкий со своей семьей. Жена — кухарка, дочь — служанка и сын — кучер сидели здесь исключительно потому, что старые дворецкие ценились не сильно высоко. А гости страсть как не любили переминаясь с ноги на ногу, барабана в дверь, в надежде, что глуховатый дворецкий с шорканьем спустится, чтобы открыть дверь.

Странный звук заставил молодого графа взять отцовский магический пистолет с золотой ручкой в виде дракона из ящика стола.

Выйдя в коридор, он снова прислушался. Казалось, что дом безмятежно спал. Расслабившись и позволив себе громко вздохнуть. Только Венциан собирался вернуться к комнате, как вдруг странный звук послышался снова. На этот раз граф решил не таиться. Тяжелыми шагами он направился в сторону звука. Синие глаза опустились на ручку двери материной комнаты, а потом неодобрительно посмотрели на щель, которую никогда не оставляла прислуга.

— Неужели опять? — замер от мысли Венциан, решив не показывать пистолет раньше времени.

Приоткрыв дверь, он увидел в розовой комнате, сохранившей следы безмерной и щедрой любви отца к матери, двух огромных бородатых увальней с мешком. Один из которых сгребал безделушки, а второй рассматривал музыкальную шкатулку с принцессой и драконом.

Сюзанны нигде не было!

Осторожно направив пистолет на одного из разбойников, граф стиснул зубы и тут почувствовал нечто странное. Такого с ним никогда не было. Ему казалось, что его тело распирает, пока спину прорезает острая боль, словно в ней что-то пряталось и долго ждало своего часа,

а теперь с болью лезет наружу. Внутри нарастал комок жара, заставляя задыхаться, словно съел что-то ужасно острое.

Пистолет гулко упал на ковер. Венциан сам того не осознавая, схватился за дверной косяк, чтобы не упасть. Ему чудилось, что внутри ломает, крутит и выкручивает каждую кость.

— Ты гляди! — слышался удивленный голос одного из разбойников. — Эй, лордик? Тебе что? Плохо? Сейчас будет еще хуже!

Перед глазами стояла какая-то пелена, сквозь которую вырисовывались силуэты, очертания которых были чуть подсвечены магическим сиянием. Казалось, тело Венциана жило своей жизнью, а сознание своей. И тело ему больше не подчинялось, как бы он этого не хотел.

«Что это?», — пронеслось у него в голове, когда руки выламывали дверной косяк. — «Болезнь? Приступ? Что это?», но на этот вопрос он не знал ответа, задыхаясь от жажды, которой не было. Внутри него бушевал настоящий пожар, который почему-то хотелось выплюнуть.

— Убей его! Джек Борода сказал не оставлять свидетелей! — переглянулись разбойники, направляясь к нему.

Как вдруг произошло нечто такое, чего не мог вообразить. Из-за плотных штор, хранивших молчание, появилось задранное до неприличия платье. Его придерживала одна рука, а вторая держала увесистый подсвечник. Босые ноги мягко крались по ковру, пока один из разбойников, заинтересовавшись дорогим пистолетом, наклонился, чтобы схватить его с пола, но тут же обрушился вниз от точного и мощного удара. Второй разбойник видимо давно знал своего товарища. И был уверен, что он не падает в обморок при виде красивых пистолетов. Поэтому резко обернулся, чтобы тут же упасть рядом с товарищем при виде красивого подсвечника. Он рассмотрел его так близко, как только мог.

— Ах, как неловко-то, выжарки кошачьи! Ой, то есть «ах!», — произнесла фея, делая неуклюжий реверанс.

Ловко перепрыгнув через два тела, Сюзанна бросилась к Венциану. Его все еще трясло, правда жар внутри стал угасать, словно острые специи удалось залить водой.

— Графушка? Что с вами? Неужто животень прихватило? — обеспокоенным голосом произнесла Сюзанна, помогая ему добраться

до материнной кровати. Это позорное чувство, когда твое сознание заперто в клетке непослушного тела, не давало ему покоя.

— Графушка, вы токмо не помирайте! — перепугалась Сюзанна, держа его руку в своей руке. Стиснув зубы от бессилия и мысли о том, что его защищала девушка, Венциан хотел умереть здесь и сейчас.

— О! Да вы как печка, крыса брюхоногая! — переполошилась Сюзанна, а ему на все лицо шлепнулся с размаху холодный компресс. Мамина ваза с цветами покатилась и упала в мягкий ковер, а вода из нее пропитала кончик шторы.

Не смотря на дикость ситуации, Венциану стало легче. Он вскочил на непослушные ноги, глядя на два тела.

— Их разыскивают, жопа пучеглазая! — утерла сопли рукой фея. — Это из банды Джека Бороды!

— Жандармов? — спросил граф, видя, что бедолагам уже не помочь.

— Обыскивай, давай! А я пока на стреме постою! Вот надо же, блоха сушеная! — снова утерла нос фея, ловко перепрыгивая через два тела и устремляясь к приоткрытой двери.

— А с чего это я должен обыскивать? — спросил Венциан, брезгливо глядя на тела.

— А шо деньжищи лишними бывают? — спросила фея, сплюнув растрепанные волосы. Она застыла в дверях, внимательно прислушиваясь. — У вас и так все хуже некуда! Или шо думаете? Я не знаю?

В это мгновение Венциан стиснул зубы, начиная обшаривать первый. Оттуда высыпалось немного золота и золотых побрякушек. Совсем чуть-чуть.

— Не умеете вы ниче, графушка! — прокашлялась фея, качая головой. Она завязала материню платье на узел, а потом принялась шарить руками в тех местах, после которых Венциан помыл бы их с мылом три раза!

— Гляди! — хрипловато заметила фея, вытаскивая шкатулку, которая рассыпалась чьими-то фамильными драгоценностями. Не густо, но все же!

Фея отряхнула руки и вытерла их об себя.

— Теперича надобно их прикопать! — прокашлялась она, глядя на бледное лицо Венциана. — А не то дружки нагрянут и усе! Будет и ах,

и ах, и еще ах!

Глава седьмая. Драконий этикет

— Осторожней, — слышался голос Венциана, когда он поднимал на руки первое тело, поглядывая в открытое окно. Грязных сапог зацепил столик на котором стоял подсвечник, и тот со звоном упал на пол.

— Что случилось? — слышался дикий топот и воробьиный голосок проснувшейся няни.

— Ниче, — прокашлялась Сюзанна, прикрыв дверь и придерживая ее плечом. — Я тут енто...

— Разучиваю менюэт! — шепотом подсказывал Венциан первое, что пришло ему в голову. Граф с изумлением смотрел на свои руки. Он с легкостью держит огромного мужика и не чувствует усталости.

— Размучиваю монумент! — звонко ответила фея. Венциан выдохнул. Могло быть и хуже.

— Вы там поосторожней размучивайте! — слышался строгий голос мисс Миракл, а ее шаги удалились.

— Тащи! — прошипела фея, ловко выпрыгивая в окно. — Сюда! Давай шустрее!

— Почему сюда? — с ужасом спросил Венциан, видя, что Сюзанна остановилась возле самой дорожки. — Может, в дальний конец сада?

— Не, здесь я яму рыла! Большая получилась! И пень выкорчевывала! У там корней, мышкин батон! То есть, ах! — утерла нос красавица. — Так что ямища — во! На двоих хватит! А я кусты какие-нибудь сверху засажу!

Когда тело второго разбойника опустилось в могилу, фея уже бежала с лопатой наперевес. Ловко орудуя лопатой, она зарывала два тела. В одно мгновение Венциану показалось, что рядом с башмаком что-то сверкнуло магией. Оно было похоже то ли на ключ, то ли на застежку. Но ее тут же присыпало землей.

Фея и граф возвращались обратно. На свежей могиле появились кустики, а фея по привычке обтирала руки о платье.

— Ну че, графушка! — оперлась она на лопату, пытаясь отдышаться. — У нас теперича тайна появилась! И триндеть о ней

направо и налево низя!

Она обтерла руку, а потом смачно плюнула на нее, протягивая слюнявую ручку графу. Тот усмехнулся, глядя на протянутую руку.

— А слюнявить руку обязательно? — спросил граф, глядя на размазанную грязь.

— А как же? — удивилась фея. — Без слюней и клятвы нету!

— Знаешь, — заметил Венциан, видя грязную и слюнявую ручку, а потом скользя взглядом туда, где завязанное на узел платье обнажает стройные ножки, которые жутко косолапили. — В высшем обществе принято немного не так...

В этот момент Венциан взвешивал каждое слово. А все почему? Потому что врал безбожно. В лунном свете фея казалась еще прекрасней, чем при свете свечей.

— В высшем свете тайны принято скреплять по-другому, — заметил он, понимая, что уже стоит близко к ней. Так близко, что казалось вот-вот коснется.

— И как же?! — удивилась наивная фея, распахнув глаза.

— Поцелуем, — стараясь не выдать улыбки соврал граф, осторожно припадая к ее губам и чувствуя, что внутри него все переворачивается. «Неужели я это сделал?!», — задыхалось что-то внутри него. Лопата упала на свежую могилу, а он обнял ее за талию, резко прижав к себе.

Наконец поцелуй прекратился, а фея шмыгнула носом. Они возвращались обратно в дом. «Куда я дену ее потом? А если она ко мне привяжется?», — стучало сердце в голове Венциана. «С такой внешностью для нее не составит труда выйти замуж!», — успокаивал он себя, так и не решаясь спросить себя о главном.

— Ну че? — пожала фея красивыми плечами, сплевывая на роскошный ковер. — До завтра!

И косолапо направилась в постель. Венциан подобрал пистолет и вышел за дверь. Он улегся спать, но сон смешивался с запахом роз и платьем, которое он сминал жадной рукой. В этот момент на него накатывала сладкая и нервная волна, облизывая все острые камни в душе, шлифуя, словно морскую гальку.

— Пошли вон, все завтра! — отмахнулся Венциан, как его учила мать. Она рассказывала, что плохие мысли — это надоедливые слуги. Достаточно просто послать их вон, и они уйдут!

Утром его разбудила мисс Миракл, открывающая занавески.

— Время? — спохватился Венциан, глядя на старинные часы.

— Да не бойтесь! Ваша подопечная еще спит! — махнула рукой мисс Миракл, по пятам следуя за графом. — А вы, я так понимаю, хотите поступить, как бесчестный человек? Как последний мерзавец и негодяй?

— С чего ты взяла? — ледяным тоном бросил Венциан, вылезая из ванной.

— А как будто бы старая няня не слышала вашего «менуэта»! — прокашлялась мисс Миракл, расправляя рубашку и подавая Венциану. — От менуэтов и гавотов иногда бывают дети!

— Брось! — скривился Венциан, проклиная себя за ту странную минуту слабости, когда он не смог защитить ни себя, ни ее. Сейчас тело слушалось как и прежде. — Полотенце и одежду сюда!

Он выскочил из ванной, но тут же чинно направился к двери, за которой спала фея.

— Вставайте! У нас сегодня завтрак, а потом... светская беседа! — постучался он. Но ему никто не ответил. Комната была пуста.

— Дама уже в столовой! — сообщил, проходящий мимо дворецкий.

Приоткрыв дверь в столовой он увидел фею, сидящую верхом на стуле и задумчиво рассматривающая картину.

— Я здесь, — произнес Венциан, подходя сзади. Это был отличный момент научить ее разговаривать об искусстве — излюбленной темой аристократов. — Ну, и как ты оцениваешь эту работу?

— Недорого! За три краудинга я бы не купила! — фыркнула фея, лишенная чувства прекрасного.

— Она стоит дорого, — заметил Венциан, рассматривая пустые места, оставшиеся от проданных картин.

— Че? Кисточка тяжелая? Перетрудился ею возюкать? — заметила она, пожимая плечами. — Вот коли бы это была не кисточка, а лопата! Вот тады б, оценила бы! А та че? Как будто ежик наблевал!

Таких эпитетов в арсенале юного графа еще не было. Тут снова нужна была хитрость. И Венциан ее нашел.

— Если тебе зададут вопрос про творчество, — улыбнулся он. — Мадемуазель, как вы оцениваете творчество поэта, художника, скульптора, вы отвечаете: «Как можно оценивать порывы чужой души? Любые порывы души всегда прекрасны!».

— Как можно оценивать порывы чужой души... Дальше я забыла, — вздохнула фея, глазами ища подсказку.

Через десять минут она томно и без запинки повторяла эту фразу, вызывая у Венциана чувство гордости за себя и за нее.

— Но если от вас не отстали и требуют продолжения разговора, — пояснил он, стоя непозволительно близко к ней. Венциан чувствовал себя преступником, которого вот — вот поймают с поличным красивые глаза.

Завтрак прошел почти отлично! Все странности со стороны можно было списать на манеру держаться. Испуганные глаза, которые смотрят на ложку перед тем, как она исчезнет между двумя лепестками, придавали ей то самое очарование, выделяющее одну девушку из целой стайки.

Немного расслабившись, Венциан подумал, что теперь ей можно доверить семейный сервиз.

— А теперь смотри! — заметил Венциан беря красавицу под руку и ведя по залу. — Представь, что здесь сотня гостей. И все о чем-то разговаривают!

Трудно было представить в огромной пустой столовой сотню гостей, поэтому в ход пошли стулья.

— Смотри на людей, как на стулья... — заметил граф. Он вытащил швабру, которую только заметил. Раньше за такое его отец бы выставил слуг с позором. Швабра посреди столовой! Но сейчас слуги особо не старались, так что ругаться смысла не было.

— Итак, гости, делятся на несколько видов. И любой из них может захотеть с тобой поговорить, — с азартом рассказывал Венциан. — Старая швабра! Узнать ее можно по вычурному платью и выбеленным лицам. Если к тебе подойдет старая швабра, желая поговорить, то ты должна больше молчать и кивать. Что бы она тебе не сказала, ты вежливо соглашаешься. Она завидует твоей молодости и красоте. Поэтому постарается тебя чем-то упрекнуть! Но ты должна расплыться в улыбке и поблагодарить за совет, обещая, что так и сделаешь! Пробуем!

— Какой чудесный бал, мадемуазель! Вы не находите? — к фее скакала старая швабра, размахивая серой тряпкой.

— А вы че? Потеряли че? — удивилась фея, глядя на швабру. — Если че потеряли, не ищите! Это уже давным-давно стырили! Глядите сколько тут народу! Кто-то да приделал ноги вашей побрякушке!

— Запомни три выражения! О, конечно! Да, разумеется! О, вы тоже это заметили! Последнее отвечай, когда не знаешь, что ответить! — воодушевленный первыми успехами продолжал Венциан. — Итак, пробуем! Вы не простудитесь мисс в таком откровенном платье!

— Вы тоже это заметили? — произнесла фея, на секунду превращаясь в светскую даму.

— Отлично! Еще каверзные вопросы! Вам не кажется, что вы ведете себя слишком вызывающе? — произнес Венциан, тряся шваброй.

— О, вы тоже это заметили? — снова с легкостью повторила фея, тем самым ставя в тупик собеседницу, мечтающую вонзить острую иголку зависти в молодость и «все еще впереди».

— Отлично! А теперь к нам подходит... — замешкался граф, беря стул. — Напыщенный стул! Он женат, обеспечен и каждая молодая красавица для него еще один способ самоутвердиться, что он еще ого-го как привлекателен! Пусть у него отвисшее брюхо, куча детей и долгов, но он обязан проверить, нравится ли он вам? Обычно он задает коварные вопросы «А что ж такая красавица стоит одна?», или «Эх, хороша невеста! Счастливчик будет тот, кому она достанется!». И что мы ей ответим?

— Слышь, старый дедуин! Неча меня тут глазенками своими мусолить! — сплюнула фея, морщась и ведя очаровательными плечиками. — Катись отсюда, пока не дала!

— О, вот так говорить точно не надо! — спохватился граф, понимая, что дрогнувшее коленце феи намекает на прицельный удар по репутации.

— А неча меня тут сальными глазюками елозить! Чай себя в зеркале видели? — разошлась фея, которую пришлось утихомиривать.

— Тише, тише... Тут пригодится всего одна фраза: «О, простите, я бы рада была бы поговорить с таким представительным и красивым мужчиной, но боюсь попасть под ваши чары! Так что, простите!», —

Венциан пытался представить себя девушкой на балу и почти почувствовал омерзительные липкие взгляды мужчин.

— И усе? — округлила глаза фея. Граф не заметил, что держит ее воинственные ручки в своих, словно согревая.

— Да, — усмехнулся Венциан. — Больше ему ничего не нужно! Он узнал о себе самое важное, и теперь будет гордиться этим весь вечер! Можешь еще улыбнуться. Настаивать они вряд ли будут. Просто не успеет. Говорить это нужно громче, чем обычно. Где-то рядом рыскает его супруга, которая тут же обратит внимание и утащит обратно в семью.

Он с грохотом утащил стул, освободив пространство.

Фея хихикнула, снова тряхнув рассыпавшимися локонами. Венциан на секунду залюбовался, но потом взял себя в руки.

— А вот искушенная дама, которая пытается поговорить с тобой, чтобы понять, соперница ты или нет? Делать тебе гадости или нет? — заметил Венциан, с удивительной для себя легкостью поднимая тяжелый подсвечник. Раньше он так не мог. Ровно до вчерашнего вечера, когда ему стало плохо.

— Она обычно делает так! — заметил граф, поражаясь своей силе. Сейчас ему казалось, что он скрутил бы голыми руками тех бандитов. Подсвечник в его руке направился гулять вокруг юбки. — Обошла тебя кругом, а потом сделала что-то вроде: «Хм!».

— Ты че хмыришься, хмыра? — нахмурилась фея. — Тебе че? Позырить тут нечего? Иди вон! Зырь кого хош! А то ты мне всю юбку обтоптала! Шурши отсюда платюшком, катись кареткой! Пусть на тебе скачет потный кучер!

— Она боится, что ты затмишь ее красотой! И ее любовники будут виться вокруг тебя, — заметил граф, поражаясь такому словарному запасу.

— Ну тады... что-то вроде... Отдирай своих мужиков и суй их обратно в свои старые бадуары! — вздохнула фея, где — то слышавшая слово «будуар». Страшно представить где!

— Здесь нужно сказать: «Я не ожидала, что вокруг меня будут виться даже женщины!», — придумал Венциан, представляя себя пугливой барышней в платье, вокруг которой разгуливает матерая кокотка в вызывающем наряде. — Она постарается тебя ужалить, неважно чем, но ты смотри на нее грустно, как на осень. Листики

падают, годы идут... Но, чтобы не нажить врага, после того, как она чуть-чуть отойдет, ты должна вздохнуть: «Ах, какая красавица! Наверное, в нее влюбляются с первого взгляда!». И все! Достаточно! Польщенная кокетка уже ушла. Но следом за ней приходит...

— Да скока можна! У меня тут че? Раздают че полезное? — снова нахмурилась светская фея, почесав ногу об ногу.

— К тебе подходит молодой холостяк, — заметил Венциан, оббегая взглядом столовую.

— Такой как вы? — спросила фея, а граф опомнился.

— Ну да, — улыбнулся он. — Обычно они рассыпаются комплиментами... Ах, вы сегодня так свежи и прекрасны! Как роза! Или «о, дивное создание, я не осмелюсь сказать вам, насколько вы прекрасны....».

Граф стоял рядом с ней, понимая, насколько она маленькая и хрупкая. А огромные доверчивые глаза украли у него все слова и комплименты.

— И что ты ему ответишь? — спросил Венциан, глядя на не сверху вниз.

— Тебе или ему? — спросила фея, странно склонив голову на бок.

Глава восьмая. Запреты не для феи

— Ему, — вздохнул Венциан, хотя понимал, что выбрал один вариант, а озвучил другой.

— Да пошел ты! Тоже мне наострил ухажерку! Сейчас как двину по ухажерке так, что отвалится! — заметила фея, ревниво оберегая свою «девственницу».

— Здесь просто нужно ответить два слова: «Я знаю!». И улыбнуться, — заметил Венциан, делая шаг в сторону. — Так, продолжим!

Он взъерошил свои длинные волосы, чувствуя себя мухой в паутине.

— Смотри, теперь если тебе нужно к кому-то обратиться, или кто-то решил обратиться к тебе... — рассеяно начал Венциан, забыв, что хотел сказать. — Ах, вспомнил! Все извиняются в начале разговора! Что-то вроде «извините, а не могли бы вы сказать, какой сейчас по счету танец?» или «извините, вы не могли бы передать мне пирожное?».

— А за шо извиняться-то? У него че? Рука отпала пальцы загигать? — удивилась фея.

— Тут есть один секрет! — заметил граф. — Понимаешь, все думают друг о друге всякие гадости. Только не говорят вслух. Идешь себе и думаешь: «О, старая кошелка опять вырядилась, словно вот-вот засватают!». А потом «извините! Вы не видели моего спутника?». Ты как бы извиняешься за то, что подумала о ней плохо! Поняла? Идешь, ругаешь молча, а извиняешься громко! Пробуй! С каждым стулом! Думаешь о нем гадости, а потом ... извините, а можно на вас сесть!» А потом грациозно садишься, словно в каждом стуле торчит иголка.

— А она и вправду там торчит? — спросила фея, трогая рукой обшивку старинного стула.

— В некоторых да! В высшем свете любят пошутить! — соврал Венциан. — Но трогать стулья вот так нельзя. Так что придется садиться очень осторожно. Мало ли!

Венциан устало опустил на один из стульев, глядя на то, как фея ходит по залу.

— Извините, а можно на вас сесть! — выдыхала фея. Наука давалась ей с трудом. Но за два дня был достигнут просто невероятный успех! Если так будет продолжаться дальше, останется только закрепить успех и научиться танцевать. Но это завтра!

Она опасливо и очень осторожно присаживалась на стульчик, вызывая у графа прилив гордости. «Ну, хорошо! На выходных бал. А дальше что?», — спрашивал он себя, не зная ответа. Выдать ей платье и деньги, отпустив на все четыре стороны? Венциан стиснул зубы, понимая, что это было бы подло и низко. Выбросить, как собачку.

«Я не хочу об этом думать!», — дернул граф плечом, видя, как фея с каждым разом делает одно и тоже движение все грациозней и грациозней. — «Время покажет!».

Что с ним? Такого никогда не было? Откуда-то взялась эта странная сила, которой раньше не было. Ему казалось, что он способен раскрошить камень в руках. И чувство, когда замирает сердце от одного только взгляда. Почему так быстро? Почему эти два дня кажутся вечностью?

На эти вопросы он не знал ответа.

— Извините, а можно присесть! — послышалось рядом. Венциан, погруженный в собственные мысли, удивился, как вдруг ему на колени присела фея.

— Это же тоже стула, ах? — удивилась она. — А вы сказали, че надобно со всеми стулами поговорить!

Что это было? Кокетство или излишнее старание? Венциан не знал, но его руки уже обвили ее талию, сплетаясь замком на расшитом корсете.

«Что со мной?», — опомнился Венциан, тяжело дыша, когда чуть не запечатлел поцелуй на тонкой шейке.

Жеманство, кокетство, показная холодность не понимала сердце графа. Он привык к этому с детства. Ни обмороки, ни томные взоры, ни румянцы, ни демонстративная отстраненность, — ничто не будоражило его душу так, как эта непосредственная простодушная наивность, оставляющая великую загадку сердцу: «Она это сделала случайно или нарочно?». И от этой загадки сердце почему-то начинало биться чаще и чаще.

— Чаю бу... — послышался голос нянюшки. Мисс Миракл вошла в столовую неся поднос. Венциан опомнился только когда понял, что

произошло.

— Сэр! Извольте сюда! — сверкнула глазами няня. — А юная леди пока пусть пьет чай!

Венциан вышел, делая обычное насмешливое выражение лица.

— Это что еще за? — погрозила сухоньким пальчиком няня. — Вы что собираетесь потом делать с этой девушкой? Учтите, я не позволю ее выбросить на улицу!

— Я и не собирался, — ответил он с усмешкой. — Я ничего не делал такого, за что меня можно осудить!

— Я не хочу, чтобы вы выросли мерзавцем и негодяем! — грозила пальчиком нянюшка. — Так что даже не думайте обесчестить бедняжку! Вы либо прекращаете вашу игру, или женитесь на ней!

— Что? — опешил граф. — Жениться? Нянь, ты в своем уме?

— В своем! Чужого не занимала! — нахмурилась няня, крепко держа дверь. — Так что думайте головой! И вообще! На сегодня занятий достаточно! Теперь я лично буду следить за тем, чтобы вы только занимались!

Нянины слова припечатали, как приговор.

— И никаких но! Только занятия! А то я вас знаю! — сверкнула глазами Мисс Миракл. — А теперь прощайтесь, и марш по комнатам!

— На сегодня урок окончен, — произнес Венциан. — Ты молодец!

— Правда? Я уже похожа на ледю? — оживилась фея. Теперь, когда она была недосыгаемой, она стала еще прекрасней.

«Так нельзя! Я должен все обдумать!», — закусил губу Венциан, глядя как няня уводит фею в ванну. Он прошел в свою комнату и присел в отцовское кресло, провернув вокруг пальца отцовскую печатку с гербом.

— Согласен, я допустил лишнее, — убеждал себя граф, вертя перстнем. — Но на улицу я ее не выброшу. При мысли о том, что эта прекрасная фея будет жить в какой-то захудалой ночлежке, ему стало плохо. — С этого момента только вежливо! И только холодно! Няня была права. Так можно заиграться!

«Жениться». — пронеслось в голове у Венциана, когда он посмотрел на портреты родителей.

— Мне нечего ей предложить. Я смогу жениться только тогда, когда встану на ноги, — заметил он, глядя на суровое лицо отца. —

Спасибо тебе, папа!

Просто нужно не думать о ней, а понять, что в ней так зацепило. Наверное, то, что в отличие от барышень в высшем свете, у которых из эмоций только радость, ревность, кокетство, притворное смущение и скука, здесь он видел жизнь. Недоумение, каприз, искренний смех, сочувствие... Это сочетание капризного ребенка, прямолинейность и богатая эмоциями мимика делали ее неповторимой.

Это называется «темперамент». Слово-то какое...

— Все, я прекращаю думать о ней, — строго одернул себя граф, уныло доедая свой скудный ужин. Он упал на кровать и провалился сначала в свои мысли, а потом в сны. Во снах его манила красавица в розовом платье, она смеялась, хмурилась, держала его за руку. Она больше напоминала призрак, неуловимый и прекрасный.

Ему хотелось, чтобы она снова ковыряла в носу, ругалась и плевала в вазу. Пусть делает все, что угодно, лишь бы избавиться от этого чувства, постепенно нарастающем и совершенно неподвластным!

— Графушка! — послышался голос, на который он открыл глаза. На его кровати кто-то сидел. Ветер развеивал занавески, а из открытого окна крался ночной холодок.

— Что? — проснулся окончательно Венциан, глядя на призрак, сидевший на его кровати с ногами. — Пошлите!

— Куда? — спросонья не понял граф, глядя в открытое окно. — Куда тебя послать?

— Пошлите, говорю! — потянула его за руку фея. Это было как в той сказке, которую читала мама. Фея, которая приходит по ночам, берет за руку и уводит в открытые окна. — Показать вам кое-что хочу!

Глава девятая. Тайна Тети Патти

— Ты как сюда залезла? — обалдел граф, помня, что его окна находятся достаточно высоко.

— Ой, да бросьте! Вы никому не скажете? Я много чего умею! А ты думаешь, чего это мы жандармов не зовем? — шепотом пояснила фея, а на ее босых ногах была пыль. Платье было порвано справа и завязано узлом.

— Это тайна? — удивился Венциан.

— Да, глист корсетный! — дерзко ответила фея, осматриваясь и неумело целуя его в губы. — Теперь вы никому не растреплете?

После такого Венциану еще сильнее стало казаться, что это — сон. Но его уже тянули в окно. Платье прошуршало вниз, а фея ловко прыгнула с подоконника, пока граф выбирался, повиснув на руках.

Он приземлился на землю, чувствуя, что его куда-то тащат. В том конце сада он не бывал. Да и незачем!

— Никому! Могу поклянуться, — улыбнулся Венциан, прикасаясь к нежным губам. — Как видишь, я поклялся. Теперь можешь показывать!

— Ну? Как вам картинка? — заметила фея, раздвигая заросли. Венциан был уверен, что это — сон. Он видел красивые кусты роз и целую поляну цветов. Даже ветки деревьев, казалось, цвели. Только присмотревшись, он понял, что это вьющиеся розы ползут вверх, оплетая каждую ветку.

— Это невероятно, — прошептал граф. — Что это за место? Это ты все посадила?

— А кто еще? — гордо ответила фея. — Мышь волосатая пришла и все вскопала? Вот этими ручками! А вы еще спрашиваете, скокмо стоит картинка! Уж не дороже ентого! Он всего лишь кистью мазал — махал, а я лопатой, блоха пучеглазая! Ой! Так че?

— Конечно дороже, — ответил изумленный Венциан, упуская то, что саженцы были украдены у него самого.

Они гуляли по саду, пока граф понимал, что с каждой минутой призрак становится все страшнее отпустить. Несколько раз он пытался аккуратно завести разговор о матушке Сюзанны, намекая, что

бастардам не рад никто. И шансы, что матушка будет рада ее видеть равны нулю.

— Представь себе, — слышался голос Венциана. — Ты замужем. У тебя есть муж и дети. А тут на пороге стоит девица и громко заявляет, что она — твоя незаконно рожденная дочь! Ошибка молодости! Тут же стоят дети, муж. Ну разумеется, она не бросится тебе на шею и не станет обнимать! Она может сказать что-то вроде: «Ах, я не знаю, о чем вы!». И попросить дворецкого выпроводить вас за дверь.

В глазах Сюзанны стояли слезы, которые так и хотелось осушить поцелуями.

— Но надежда, конечно, есть, — заметил Венциан. — Ты что-нибудь помнишь о ней?

— Че я могу помнить? Ни как ее звали, ничаво! — пожала плечами фея. — Просто карэта прискакала, меня отдали и мешок с деньгами сунули. Вот и усе!

— Не расстраивайся, — обнимал ее Венциан, понимая, что результат известен заранее. — Мы попробуем ее найти.

Мисс Миракл следила за каждым занятием и кхекала, когда ей что-то не нравилось.

Зато ночью, в незакрытое окно они уходили в сад, чтобы сидеть на скамейке или качаться на качели, которую Сюзанна сделала своими руками. Казалось так продлиться целую вечность.

— Пора разучивать танцы! — строгим голосом заметил Венциан, глядя на Сюзанну. До бала оставалось два дня.

— Извините, а могу ли я попить воды, ах! — слышался голос феи. Мисс Миракл принесла стакан, отдавая красавице.

— Благодарю! — ответила она, осторожно, словно боясь, что ее отравят делая глоток. Сейчас сложно было сказать, кто это? Избалованная герцогиня, которая привыкла вести себя так, потому что в ней души не чают. Или хорошо обученная замухрыжка с улиц Авильона. И это не могло не радовать!

— Танцы — это игра! Главное, вовремя отдернуть ногу, пока ее не отдавили! — заметил Венциан. — Девушка кладет руку на плечо мужчине. А мужчина на талию!

— А че это я должна на плечо класть? — спросила фея, поглядывая на нянюшку. Вчера в саду она призналась, что няня учит с

ней, как правильно выговаривать слова. — На ... талию...

— Проще! — подсказывала няня, чинно попивая чай. Венциан вздохнул, бросая взгляд на надсмотрщика.

— Пусть ентот... — замялась фея, сопя.

— Этот, — поправила няня, размешивая чай. — Этот мужчина!

— Этот мужчина руку кладет на плечо, ах! — выдохнула фея, показывая каких невероятных усилий ей стоила эта фраза.

— Просто у мужчин на женщин рука не поднимается, — замети Венциан, делая шаг на красавицу. — Ногу убирай! Молодец! А если так?

Из всего, чему ее учили танцы понравились ей больше всего.

— Не наступишь! — хихикала она, отводя ногу назад. Со стороны получалось очень неплохо. Даже блестяще! Если вспомнить, что это был первый танец.

Дверь открылась, а в зал вошел дворецкий.

— Сэр, к вам ваш друг Бенджамин Беранже! — произнес старик. — Простите, если потревожил. Бенджамин уже маячил за спиной дворецкого, а потом поднырнул и влетел в зал. На секунду он остановился и смущенно покраснел до кончиков ушей.

— Простите, мадемуазель, — стушевался Бенджамин, чувствуя себя неловко. В его руке была какая-то бумага. — Извините...

С каждым словом он краснел все сильнее, вызывая у феи удивленный взгляд: «Ой, а это тот самый?».

— Я просто, — замялся Бенджамин, чувствуя себя неуклюжим медведем. — Простите еще раз!

Он потянулся к ее руке, чуть не растянувшись на полу. Фея смотрела на него с какой-то умиленной нежностью.

— Извините, — снова отдышался Бенджамин, понимая, что только что произвел первое впечатление. — Я просто хотел спросить совета!

— Пока можете посидеть с мисс Миракл, — улыбнулся Венциан, целуя бледную ручку под неодобрительный «кехе-кехеу!» нянюшки.

— Что такое? — удивился Венциан, глядя на то, как Бенджамин достает письмо. Он был раздражен и рад одновременно, удивляясь сам как такое может быть.

— Тут дело такое, — заметил Бенджамин. — Тетушка Патти, еще не покойная...

— Опять ты со своей двоюродной теткой, — закатил глаза Венциан, которого мало волновала помирающая тетка. — Ну, выкладывай!

— Она просил меня об одной услуге. Понимаешь! Тут такое дело! — мялся Бенджамин, поглядывая в сторону красавицы феи, с которой занималась мисс Миракл, уча правильно выговаривать слова.

— Не пошлите, а идемте! Повторяйте! — слышался строгий голос нянюшки за спиной.

— Она поведала мне страшную тайну, которую хранила всю жизнь! — прошептал Бенджамин. — Когда-то в молодости...

Глава десятая. Фея драконьего сердца

— А тетушка Патти разве была молода? — удивился Венциан, не представляя пухлую старушку молодой девушкой.

— Не суть, друг мой! Последней просьбой тети Патти, а помним, что она очень богата! — заметил Бенджамин. Венциану показалось, или от него пахло мятными каплями. Этот запах всегда витал у постели стариков и больных. — Она поведала мне, что в молодости у нее случился роман с дворецким! И от него появился ребенок! Ну разумеется, тайно! Девочка! Ее увезли в деревню и отдали на воспитание!

— Ты понимаешь, что так раз в жизни делала почти каждая мадам? — произнес Венциан, глядя на бумагу.

— Так вот, тетушка Патти хочет, чтобы я разыскал ее! Ту девочку! — слышался голос Бенджамина. — Только имени она не знает. Но почему-то говорит, что Аврора!

— А вещи? Пеленки, платки, медальоны? — спросил Венциан, глядя краем глаза на фею. — Есть что-то?

— В том-то и дело, что ничего! Ну, я так понял. — развел руками Бенджамин. — Она так старательно скрывала следы своей преступной связи, что даже не оставила ничего! А теперь вот! Ищет ее! Так что мне нужен совет, друг мой! Только ты можешь что-то придумать! Я расспросил в деревне, мне сказали, что сюда каждый год столько детей привозят, что уже не поймешь, где кто! А девочка и умереть могла!

— Сколько лет назад это было? — спросил Венциан, видя, как фея открывает рот, повторяя за нянюшкой отдельные слова.

— Джен-тель-мен! Джен-тель-мен! — повторяла нянюшка, пока фея внимательно слушала и что-то пыталась изобразить в ответ.

— О, это я могу сказать! Двадцать три года назад! — с радостью сообщил Бенджамин. — Просто она хочет разыскать свою дочь и оставить ей все. Понимаешь? Но если я разыщу ее, то могу претендовать на половину! Ты представляешь, какие деньжищи?

— Хорошо, я подумаю, что можно сделать, — заметил Венциан, беря в руки последнюю волю.

— Она хочет видеть ее как можно быстрее, — заметил Бенджамин, тоже бросая взгляды на красавицу. — А ты не хочешь ли меня познакомить с этой очаровательной девушкой?

— Неужели? — поднял брови Венциан, отслеживая взгляд друга. — Кажется, вы уже с ней знакомы! Эта та самая садовница, о которой шла речь! Та самая!

— Вы шутите? — изумился Бенджамин, не веря своим глазам. — Она? Да не может такого быть!

— Все может! — усмехнулся Венциан. — А еще — это дочь твой тети Патти! И сейчас она об этом узнает!

— Ты снова шутишь? — прищурился Бенджамин. — Такого совпадения не может быть!

— Будет, — твердо произнес Венциан, подходя к нянюшке.

— Ты хочешь подсунуть ей эту девушку, как ее потерянную дочь? — ужаснулся Бенджамин. — Это же бесчестно! Так поступают только мерзавцы, аферисты и негодяи!

— Послушай меня внимательно. Эта одна из таких бастардов, которую отправили в деревню. Тетя Патти готова прожить еще лет двести, чтобы мы отыскали ее дочь? Сомневаюсь! Так почему бы не сделать двойное доброе дело? И мама нашлась! И тетушка помрет счастливой! А у тебя появятся лишние деньги!

— Да, но если нас поймают! — задыхался от волнения Бенджамин Беранже.

— Успокойся! — рявкнул на него Венциан, понимая, что чудеса нужно делать своими руками. — Лучше вспоминай все про тетушку Патти! Что любит, что ей нравится, любимый цвет...

— Это... возмутительно, — сдавался Бенджамин, стуча своей тростью.

— Возмутительно профукать твоё состояние, — произнес Венциан. — И если все пройдет гладко, ты будешь должен. У тебя будет достаточно денег, чтобы вложиться в дело и не заметить!

Он решил скрыть тот факт, что приглашение семья Аддерли так и не получила! И, видимо, уже не получит! Хотя, было еще два дня, и быть может, свершится чудо.

— Да, но... — возразил Бенджамин, скорее, ради приличия. — Нет, я попробую! Если так посчитать, то это не так много!

— Смотря для кого, — усмехнулся Венциан, глядя на красавицу фею, сидящую, как на иголках.

— А можно я с ней потанцую? — смутился Бенджамин. — Просто ты сам знаешь, на балах я не танцор. И даже стесняюсь пригласить девушку из-за...

— Не бойся, из нее тоже пока танцор так себе! — успокоил его Венциан, представляя, как полагается девушку другу.

— Не окажете ли мне любезность, потанцевать со мной? — спросил Бенджамин, смущаясь и краснея. Фея смотрела на него и тоже почему-то смущалась.

Венциан присел рядом с няней, которая лишь хмыкнула, все еще обижаясь.

— Не переживай, скоро мы будем богаты. Снова, — произнес Венциан, глядя на старую нянюшку. — Отец потерял состояние. Я приобрету.

— Самое важное, — произнесла мисс Миракл. — Чтобы вы не потеряли нечто важное.

— Вы сейчас о чем? — спросил Венциан, видя, как эти двое наступают друг другу на ноги и смущаются до красноты. Трость стояла возле стула, а на ней остались следы зубов любимой собаки Бенджамина.

— Ой, а что ж я сию! Гостю нужно принести чаю! — подскочила нянюшка, пока Венциан смотрел на пару. Странное чувство, когда красавица фея танцует с другим, стало душить его, когда он видел неуклюжесть обоих.

— Ничего страшного! — смеялся Бенджамин, глядя на оттоптанные туфли. — Я тоже неуклюж, как и вы...

Странное чувство поднималось внутри Венциана, когда он видел этот танец. Ему хотелось прекратить все это сию же минуту, дернуть за руку фею к себе и указать лучшему и единственному другу на дверь. Но он понимал. Бенджамин — ключ к ее будущему. И к обещанию, которое он дал, не собираясь выполнять.

— Простите еще раз! — простонал Бенджамин, ковыляя к своей трости. — Вы сделали меня счастливым!

— Поехали! — резко произнес Венциан, вставая и глядя на фею, которая отряхивала платье. Он решил. Он женится. Как только заработает первые деньги, он женится на ней!

— Куда? — удивился Бенджамин, осматриваясь.

— К твоей тетушке, — сощурил глаза Венциан. Уж кто-кто, а он никогда не собирался превращаться в бедного родственника — стервятника. Но мысль о том, что когда у него будут деньги, он сможет сделать предложение своей фее, заставила его решительно направиться к двери. Тем более, что умирающие тетушки могут еще сто раз передумать.

— На ночь глядя? — спросил Бенджамин, поглядывая в окна. — Тетушка просила оставить ее в покое!

— Тетушка очень хочет видеть свою дочь! И чем быстрее она ее увидит, тем лучше! — произнес Венциан. В коридоре они столкнулись с мисс Миракл, которая несла три чашки чая.

— Вы куда? — послышался голос нянюшки.

— По делам! — совсем как отец произнес Венциан, видя карету друга, стоящую возле парадного входа. Его голос смягчился, когда он посмотрел на золотистые локоны, которые, кажется, обвивали его сердце, словно путы.

Сонный кучер катался сюда не первый раз, поэтому знал, что быстро такие встречи не проходят. И решил выспаться, как следует. Но дверца кареты уже захлопнулась, а он вострепнулся от крика: «Трогай!».

— Не переживай, — послышался голос Венциана. Он держал маленькие ручки в своих руках. — Твоя мама найдена. Мой друг нашел твою маму.

— Мама? — удивилась фея, замирая на мгновение. — Мы едем к ней? Она точно хочет меня видеть? Ой, то есть... видеть!

Глава одиннадцатая. То, что скрывали розы

Да, уроки мисс Миракл не проходили бесследно. Как этой женщине удастся добиться таких результатов за такие сроки — уму непостижимо!

Карета мчалась по авильонским улицам, пока кучер гнал лошадей.

— Мама сильно болеет. Поэтому ты с ней постарайся помягче, — убеждал Венциан. — Тебе сколько лет?

— Не знаю, — пожала плечами фея, которую, видимо, катали в карете всего два раза в жизни. Один раз в пеленках от матери, а второй раз к матери.

— Вот и славно! — погладил золотистые волосы Венциан, ревниво оберегая свое сокровище. — Только ты смотри, не сильно тревожь ее...

— Да, — кивнул Бенджамин исключительно потому, что ему тоже хотелось поучаствовать в разговоре.

Карета остановилась возле роскошного особняка. Длинная аллея из старинных платанов была позади.

— Я к тетушке! — с порога заявил дворецкому Бенджамин, с завистью осматривая поместье. Он склонился к уху старого дворецкого. Глаза того расширились, а он посмотрел на Сюзанну. Та прижалась к Венциану так, словно боялась всего на свете.

— Идемте, только тише! — пригласил дворецкий. Венциан подумал, а не тот ли это дворецкий, однажды ставший отцом? Но эта мысль занимала его меньше всего. Его волновало, как пройдет встреча.

Дверь в покои тетушки были приоткрыты. Оттуда повеяло мятными каплями. Дворецкий вошел и что-то тихо сказал, а потом послышался взволнованный голос.

— Пусть войдет!

На подушках сидела тетка, окруженная грелками и одеялами. Сюзанна дрогнула, глядя на тетку, пока Венциан смотрел на огромный портрет тетки в молодости, занимавший половину стены.

— Мама? — робко спросила Сюзанна, делая осторожный шаг. — Мама?

Тетка молчала, вглядываясь в лицо девушки. «Ну да, что она там увидит! Она ее в последний раз видела младенцем!», — закатил глаза Венциан, пока Бенджамин стучал тростью. Он всегда так делал, когда нервничал, что ужасно раздражало Венциана.

— Мама ты заболела? — спросила Сюзанна, глядя на назначения врачей и кучу микстур.

— Доченька! — слышался шелест. Через минуту они уже обнимались и плакали. Венциан смотрел на старинный портрет, который не имел ничего общего с его прекрасной феей. Даже близко. Но сейчас это было неважно!

— Оставьте нас наедине! — попросила тетушка, а дворецкий вежливо выпроводил друзей в коридор, не забыв предложить чаю.

— А ты говорил, что все будет сложно, — усмехнулся Венциан, сидя за столиком в роскошной чужой гостиной. — Иногда сложные вещи получаются намного проще! Точно так же как и с магазином. Тебе просто кажется, что это сложно. Но на самом деле это просто!

Дверь приоткрылась, а на пороге стояла Сюзанна. По ее красным глазам было видно, что она плакала.

— Мама просит меня остаться с нею, — робко произнесла фея, опасливо глядя на всю эту роскошь. — Всего на несколько дней.

Такого Венциан не предусмотрел, но вынужден был согласиться. Несколько дней не сделают никакой погоды.

— Сэр Бенджамин! Пройдите к тетушке, — попросил дворецкий, оставив фею наедине с Венцианом. На секунду он представил, что это их роскошный дом, что все золото мира сыплется к ее косолапым ножкам и улыбнулся. Однажды это случится. Дайте ему несколько лет, и он бросит мир к ее ногам. И вся эта роскошь покажется убогой по сравнению с тем, что он даст ей.

— Скажи, графушка, — слышался голос феи. — Как вам удалось найти ее!

— Чудом, — улыбнулся Венциан, прекрасно зная, что сейчас его друг получает огромный чек. — Видишь, как все обернулось?

— Да, — вздохнула фея. — Мышь волосатая, кто бы мог подумать! Я, оказывается тоже ... эта... графинка! Или графка!

— Графиня, — поправил Венциан, делая шаг к красавице. Он обнял ее и прижал ее голову к своей груди. Здесь не было ни нянюшки, которая коршуном витала и бдела.

«И однажды станешь моей», — слышался голос сердца.

Бенджамин вернулся ровно в тот момент, когда Венциан подумывал поцеловать красавицу. Беранже сверкал, как новенький лардинг, пряча что-то в карман.

— Поехали смотреть магазин! — усмехнулся Венциан, с сожалением прощаясь со своей феей, которую тут же окружили служанки.

Магазин был огромным, и сулил хорошую выручку, если правильно поставить дело.

— Вот, — протянул Бенджамин деньги, которые тут же ушли в оборот. Завтра к ним присоединилось то, что удалось собрать Венциану.

Тетушка решила пожить еще неделю, но Венциану было не до нее. Лишь изредка он заскакивал в поместье под платанами, чтобы увидеть свою фею. Она показывала роскошный сад, который собирается разбить. И даже попросила привести саженец ее вьющейся розы.

Магазин дал прибыль, которой никто не ожидал. Половина из нее причиталась Бенджамину, который слегка ошалел от суммы на чеке, глядя в глаза друга. Пока маленький саженец розы зарывался возле стены поместья.

— Неужели? И что? Правда работает? — удивлялся Бенджамин, с недоумением глядя на сумму. — Нет, ну право, я не ожидал! Я уж думал распрощаться со своими деньгами, но тут такое... Они шли по аллее под платанами, пока Венциан взглядом умолял фею потерпеть еще месяц!

— Обещай мне потерпеть месяц, — улыбался он, разглаживая перчатками завитки волос.

— А что будет потом? — спрашивала она с улыбкой. Служанки тети Патти отнеслись с пониманием и доучивали красавицу, с каждым днем радуясь ее успехам.

— Увидишь, — шептал Венциан, прижимаясь губами к ее лбу. — Обещаешь?

— Да, графушка, — улыбалась она, разглаживая его дорогой камзол. Новенькая карета стояла под домом, и он никак не мог поверить, что смог. Расставание всегда было невыносимым, а Венциан

требовал, чтобы кучер проезжал мимо ювелирного магазина, словно пытаясь представить будущее счастье.

И однажды карета остановилась возле него.

— О, вы не пожалеете! — рассыпался продавец, пока в кармане плаща пряталась роскошная коробочка с кольцом. — Счастья вам!

— Трогай! — крикнул Венциан, опрокидываясь на роскошные сидения кареты и доставая коробочку с кольцом. Это был самый красивый бриллиант, который он видел. Перед глазами стояли проклятые алмазные копи, которые погубили его отца. Они не давали ему покоя. И, видимо, не дадут никогда.

Карета проехала под платанами, останавливаясь возле входа. Венциан закусил губу, пряча кольцо в карман, чтобы не показывать его раньше времени.

— Они в саду! — чинно произнес дворецкий. Сердце радостно забило при мысли, о том, что через пару мгновений, она станет его женой.

Венциан слетел со ступенек и направился по магическому саду. Розы ползли вверх, превращая это место в сказку. Каменные клумбы расцветали волшебными цветами. Венциан вспомнил, как однажды из кустов показалась чумахая мордочка: «А шо?».

Он добрался до поросшей розами беседки, откуда слышался ее переливистый смех.

— А потом я просто наступил ей на платье, — слышался смущенный голос Бенджамина. — Вот такая досада!

Венциан замер, приподняв рукой плотную штору роз. Фея сидела на коленях у Бенджамина, который прижимал ее к себе. Руки феи обвивали шею Бенджамина, который краснел от счастья. Трость стояла рядом, пока фея что-то рассказывала про жизнь в деревне.

Глава двенадцатая. Жадный дракон

Что- сломалось, что-то оборвалось внутри да так, что рука рванула розы, больно впивающиеся шипами в ладонь.

— О, — дернулся Бенджамин, заметивший первым внезапного гостя. — Я так рад, что ты приехал к нам! Ты посмотри, кто к нам приехал!

Глаза феи смотрели так, словно она уже все поняла. Рука Венциана сжала коробку с кольцом так, что она хрустнула, распадаясь на дерево и бархат. Кольцо впилось в руку.

— Тетушка Патти вот-вот, — начал Бенджамин. — И просила нас... эм... пожениться! Понимаешь? Она хочет, чтобы деньги оставались внутри семьи, понимаешь? Это была ее последняя воля до того, как она впала в беспамятство! Поэтому я сегодня с утра осмелился и сделал предложение! И она приняла его!

— Поздравляю, — произнес Венциан, глядя на фею, которая смотрела на него полупрозрачными взглядом. Кольцо еще больнее впивалось в руку. — Я как раз приехал вас поздравить!

Он покачулся, словно пьяный и направился в сторону кареты, чернеющей среди роскошных зарослей магического сада. Как вдруг его схватила тонкая рука.

— И что ты хочешь мне сказать? — произнес Венциан, глядя в полные слез глаза самой красивой женщины на свете. — Не хотела ждать? Я же просил тебя дать немного времени... Просто времени... И я бы бросил к твоим ногам целый мир...

— Графушка, — слышался голос, когда слезы сорвались с ее глаз, стекая по щекам.

Он не обнял ее, не погладил. Его рука безвольно висела, а вторая была спрятана в кармане. Кольцо впивалось в его ладонь, причиняя дикую боль. Но даже эта боль не могла заглушить ту боль, которая царствовала в его душе.

Даже розы казалось, плакали, покрываясь вечерней росой.

— Понимаешь, — наконец послышался голос феи, которая взмахом ресниц смахнула слезы. — Я не знаю, как тебе это сказать...

Прекрасные губы дрожали, а она захлебывалась слезами.

— Понимаешь, рядом с тобой я всегда чувствую той самой ... садовницей... Нет, нет, нет, это не твоя вина! — замотала головой фея, а ее золотистые локоны растрепались, выпадая из прически. — Просто ты ... ты как прекрасный принц.... Бен говорил о тебе только хорошее, а я понимала, что недостойна такого мужа, как ты... А Беном просто... Он такой же неуклюжий, как и я... Он тоже наступает на ноги во время танца... Иногда мне кажется, что мы с ним выросли в одной деревне. Я не знаю, как это объяснить...

Она ревела, цепляясь руками за его одежду, а в свете фонарей, освещающих поместье, на ее руке сверкало кольцо с маленьким бриллиантом. Таким маленьким и убогим по сравнению с тем, который сейчас был сжат в окровавленной руке.

— Эта трость... Бен такой беззащитный, такой несчастный... Я нужна ему! — слышался голос феи, которая не хотела отпускать, но при этом уже принадлежала другому. — Пообещай, что ты будешь приезжать? Пообещай, что мы будем друзьями? Что ты не покинешь нас? Не уйдешь сейчас и не растворишься? Пообещай, что будешь счастливым...

— Я выполню твое обещание, как ты выполнила свое, — произнес Венциан, не узнавая своего голоса. Чтобы он не дрогнул, пришлось скрыть это усмешкой.

— Постой! — слышалось пыхтение и стук трости. — Вен, я прошу тебя!

Но Венциан оглох и ослеп от этой страшной боли, внезапно ударившей его, но не свалившей с ног.

— Домой, — произнес он хриплым голосом, садясь в карету.

Только в карете он осмелился развернуть окровавленную руку, в которой лежало кольцо. Проезжая по набережной Ведьды, серо-синей лентой, разделяющей столицу на две части, он попросил остановиться.

Пошатываясь, словно не слыша и не видя ничего вокруг себя, Венциан вылез из кареты, подходя к балюстраде. Его окровавленная рука застыла над мерным течением, но кольцо не упало. Пробив кожу ладони, оно повисло над рекой, которой было все равно, кто кого потерял. Она лишь несла свои воды в далекое море.

Венциан просто постоял, глядя в воду, а потом отшатнулся от балюстрады.

— Я передумал! Езжай в сторону мануфактуры, которую мы смотрели! — выдохнул Венциан, вытирая лицо.

Все деньги, которые он отложил на ремонт особняка и свадьбу, сейчас направлялись в сторону обанкротившейся мануфактуры, обещавшей неплохую прибыль в будущем.

Венциан ничего не сказал мисс Миракл. Он просто перестал вести дела с Бенджамин. Словно одержимый, он скупал все, что обанкротилось, и снова вдыхал в это деньги.

— К вам гость, — послышался голос старого дворецкого, когда мисс Миракл молча уносила бокал. — Он очень просит войти!

— Пусть входит! — махнул рукой Венциан, присматриваясь к еще одной мануфактуре, которая завтра уйдет с молотка за бесценок.

На столе лежала дарственная на алмазные копи, некогда подписанная дрожащей рукой отца. Послышался стук трости, на которой Венциан обернулся. Дверь открылась, а на пороге стоял его лучший друг.

— Беда, — закусил губу Бенджамин, рисуя тростью на роскошном паркете узоры. — Мы почти банкроты...

Он уже успел обрюзгнуть, поправиться и на его лбу залегли первые морщины. Венциан посмотрел на себя в зеркало, с удивлением замечая, что изменился только его взгляд.

— Знаешь, друг мой, твое лицо похоже на столицу. Так в него и съездил бы! — усмехнулся Венциан, чувствуя, что злоба была заглушена усталостью. И у него просто не оставалось сил злиться. Просто не оставалось.

— А где же ваше баснословное богатство тетюшки Патти? — ядовито спросил Венциан, пока внутри что-то неприятно переворачивалось. — Неужели кончилось?

— Да сколько там было? — пожал плечами Бенджамин, снова рисуя кончиком трости узоры. — Не так уж и много... Я ... Я готов вложиться во все, что угодно! Только скажи! Сюзанна очень просила прийти к тебе... Просто... У нас будет ребенок... Если это будет мальчик, мы уже решили, что назовем его в честь тебя!

— Я польщен! Сейчас расплачусь! — махнул рукой Венциан. — А если девочка?

— Мы не придумали, — сознался Бенджамин, с той самой смущенной растерянностью, которую так и не утратил по прошествии

лет. — Но мы ждем мальчика! И я очень не хочу, чтобы он однажды, глядя на мой портрет сказал: «Спасибо тебе, папа!». Пойми, нам очень нужны деньги. Сюзанне скоро рожать, а ей уже сказали, что это будут непростые роды... Я вложу сколько ты скажешь!

«Спасибо, папа!», — посмотрел Венциан на портрет отца, который все так же висел в кабинете.

— Хорошо, — внезапно вздохнул Венциан, вспоминая розовое платье, которое вдруг представил в какой-нибудь ночлежке. — Начнем с простого. Сколько у тебя есть? И как быстро ты хочешь получить прибыль? Ковыляй сюда, друг мой!

Бенджамин обрадовался, улыбнулся, подсаживаясь в кресло по соседству. Венциан смотрел на то, как Бенджамин в красках расписывает сколько у них осталось, и куда делось остальное. Иногда его брови взлетали вверх, а глаза расширялись. Это ж надо было так бездарно потратить столько денег!

«Может, действительно, если бы я тогда женился, то никогда не был бы богат?», — внезапно промелькнула мысль в голове Венциана. — «Я бы никогда не отважился купить умирающую мануфактуру. Я променял любовь на деньги по очень выгодному курсу».

Эта мысль ему понравилась.

— Давай смотреть, — улыбнулся Венциан, что-то чертил на листе, а Бенджамин делал вид, что все понимает, хотя на самом деле он был в этом дуб дубом.

— Пойду, обрадую Сюзи! — вздохнул Бенджамин, едва ли не со слезами глядя на друга. Они даже обнялись на прощание, как раньше.

— Передай ей подарок. От меня, — заметил Венциан, выписывая чек и засовывая в карман другу.

Все было по прежнему. Может, ока он не видел ее, все было по-прежнему. "Пусть она останется для меня девочкой в мамином платье!", — отмахивался Венциан, подсчитывая доходы.

Дни пролетали. Где-то быстро, где-то медленно. Жадные руки сгребали себе все, что плохо лежит. И превращали это в деньги.

— У нас девочка, — выдохнул Бенджамин, расстроено входя в кабинет, где уже стопкой лежали бумаги с двумя подписями полноправных компаньонов. — Я не знаю, что делать! Это же караул! Мы назвали ее Жанетт! Сюзи так захотела. В честь курицы, которая

жила у нее в деревне. Представляешь, в честь курицы! Графиня Жанетта Беранже!

— Может, он была ее единственным другом? — усмехнулся Венциан.

— Но я хочу сына! Года через три, я решил, что у нас будет сын! И мы назовем его Венциан! — решительно заявил друг, присаживаясь в кресло. — Не хочешь посмотреть малышку?

— Не имею ни малейшего желания, — покачал головой Венциан, делая глоток чая. «Лучше бы ее никогда не было!», — вздохнул он, чувствуя, что теперь под платанами нянчат еще один шрам на его сердце.

Глава тринадцатая. Сад не может остаться без феи

— Понимаю, — кивнул Бенджамин, досадуя, что вместо желанного наследника появилась дочь. Дела только-только пошли в гору, а он уже представлял, кому оставит все это! — Я вот смотрю на тебя и думаю. Как так получается! Ты словно не старишься! Мне бы так! А у меня опять лодыжка ноет на погоду! И так каждый раз!

Бенджамин потряс утянутое брюшко и сверкнул первыми проблесками лысины.

— Жанетта! В честь курицы! Ой! — вздохнул Бенджамин. — Так, куда нести деньги? Мне еще приданное понадобится для девочки! Ее же еще замуж отдавать! Ты мне просто пальцем ткни и скажи сколько!

— Бен, ты безнадежен, — выдохнул Венциан, глядя туда, где вьющиеся розы спрятались от глаз. В маленький сад, над которым трясутся лучшие садовники, пытаюсь сохранить его в первозданном виде.

Он хотел перенести его в старую оранжерею, но так и не нашел ключ. Со времен его матушки никто не открывал ее. А магический замок никак не открывался без ключа. В редкие минуты, когда его голова не была занята подсчетами, Венциан приходил в этот сад, любовался розами и вспоминал золотые локоны. А потом возвращался обратно в кабинет, не желая никого видеть. И только мисс Миракл имела право заходить в него, когда ей вздумается. И вот однажды дверь открылась. На пороге стояла нянюшка, утирая платком слезы.

— Я занят, не мешай, — взмахнул рукой Венциан, хмурясь на финансовый отчет мануфактуры.

— К вам мистер Бенджамин, — кивнула мисс Миракл, которая с того дня ничуть не изменилась. — Он хочет вам сообщить ужасную новость!

— Какую? — дернулся Венциан, выронив бумагу на пол.

— Вен! — зарыдал Бенджамин, бросаясь на грудь к другу так, что тот выплеснул бокал на ковер. — Сюзи... Сегодня днем... Она полезла подрезать свои розы... Те самые розы... Приставила лестницу...

— Что? Что с ней? — дернулся Венциан, чувствуя, как заходится его сердце. — Бен! Говори!

— Там была клумба... Каменная... — задыхался слезами Бенжамин, выронив трость на пол. — И она упала головой на клумбу... Доктор сказал, что ей нельзя было в ее положении лезть на лестницу... В любой момент у него могла закружиться голова... И, видимо, закружилась... А слуги не успели... Они мертвы...

— Кто они? — выдохнул Венциан, не веря услышанному.

— Она и мой сын... Доктор точно сказал, что у нее будет сын... Мы ему уже дали имя! Мы назвали его Венциан! И даже заказали пеленки! — рыдал Бен, прижимаясь к другу.

Венциан больше ничего не слышал. Он словно ослеп и оглох, вспоминая розовое платье, завиток и поцелуй — клятву. Ее больше нет... Сюзи больше нет... В этот момент все деньги мира рассыпались прахом.

— Я не знаю, как дальше жить, — рыдал Бен. — Не знаю... Похороны завтра! Ты придешь на похороны?

— Нет, — произнес Венциан, стоя, словно оглушенный.

— Тогда я пойду.... Мне нужно готовиться, — выдохнул Бен, растирая глаза. Венциан выпустил его из рук так же легко, как и впустил. В сердце кружилось в танце розовое платье, а в голове звучало: «мышь волосатая!».

Мисс Миракл стояла в дверях, утирая слезы платком.

— Бедная девочка! — всхлипывала она, дрожа губами. — Бедная девочка!

— Вы про Сюзанну? — спросил Венциан, присаживаясь в кресло и не веря в то, что случилось.

— Нет, про мисс Жанетт! Маленькая принцесса осталась без мамы! — всхлипывала мисс Миракл, когда Венциан сам того не осознавая, встал. Ноги несли его напрямик в сад. Тот самый, который остался точно таким же, как и был в тот день. Рука рванула завесу из проклятых роз. Она срывала эти розы, швыряя под дорогие сапоги. Преодолевая боль, она мстила им за то, что они погубили свою фею.

— Сжечь здесь все! — кричал Венциан, когда на крик бежала мисс Миракл. — Все сжечь! И розы сжечь!

— Успокойтесь! Я прошу вас, — умоляла мисс Миракл. — Я умоляю вас! Одумайтесь! Это же память!

— Не хотите сжигать? Значит, это сделаю я! — слышался голос. Страшная боль пронзила все тело, а из спины с болью вырывались огромные крылья. Весь мир растворился перед глазами, превращаясь в маленькую точку где-то там, внизу.

Он очнулся лежа в знакомом саду под платанами. Яркое солнце светило так ласково и пронзительно, что его было видно даже сквозь закрытые веки.

— Что я здесь делаю? Как давно я здесь? — прошептала его первая мысль, когда по аллее ехали десятки карет, а откуда-то из дома слышались горестные голоса: «Примите наши соболезнования, мистер Беранже!».

Венциан попытался встать, но вместо руки увидел огромную лапу которая впивалась в землю когтями. Значит, легенда не соврала.

— Мои соболезнования, мистер Беранже! — слышался женский голос, когда очередная карета остановилась.

Слезы текли из глаз огромного дракона, когда он смотрел на сад, убивший свою хозяйку. Без феи сад опустел. И больше не будет ни сказки, ни волшебства. Как вдруг он услышал, что где-то неподалеку шуршат кусты. Из них показалось черное платье. Что — то маленькое, почти крошечное лезло через кусты, тихо всхлипывая.

Это была девочка лет четырех. Она стояла, неуклюже растирая кулачками глаза. Из носа ее текла сопля. Ребенок смотрел на дракона, но глядя на ее зареванное лицо не оставалось сомнений. Это была маленькая фея. Копия своей мамы. Только еще маленькая.

— Не надо плакать... — произнес Венциан, от удивления забыв обо всем на свете. Он не ожидал увидеть ребенка одного, свободно разгуливающего по парку. И уж никак не ожидал, что она так спокойно, без криков и визга будет смотреть на огромное чудовище, которое затаилось в саду.

— Мама спит в красивом платье, я ее гладила, а она не открывает глаза, — заметила девочка, задирая юбку и обнажая кружевные панталоны, испачканные травой. Она уже была весьма грязненькой. Видать, о ней совсем забыли взрослые, окунувшиеся в свое горе.

— У всех принцесс в сказках мамы умирают, — мягко произнес Венциан, глядя на маленькую фею. — Значит, твоя жизнь будет похожа на сказку. Не плач, принцесса... Иди в дом. Тебя уже ищут, фея...

А сам подумал, что убил бы няню.

Ребенок развернулся и направился к дому, снова перелезая через кусты. Она шла по дорожке, неуклюжей детской походкой. И жутко косолапила.

— Ты где была! — набросилась на нее какая-то пренеприятнейшая женщина. — Ты почему гуляла одна!

— Я видела дракона! Папа, я видела дракона! — слышался детский голос. — И разговаривала с ним! Он там! В мамином саду!

— Не говорите глупостей, мисс Жанетт! Драконы вымерли давным-давно! — слышался строгий голос няни.

— Ему скажите! — шмыгнул нос. — А еще он назвал меня феей!

Если он взлетит сейчас, то весь Авильон завтра будет рассказывать, как видел дракона. Так что придется подождать вечера. Внезапно розы снова зацвели, сверкая каплями недавнего дождя, а небо прояснилось, роняя чистый луч света туда, где царил вечный мрак.

— Алмазные копи, — произнес Венциан, вспоминая, как каждый раз думает о них, раз за разом откладывая их на лучшие времена.

Он вернулся домой ночью, когда сад уже успели потушить. Закрывшись в своей комнате, Венциан не подавал признаков жизни три дня.

В полдень третьего дня мисс Миракл стояла с дверью в руках. На ней было дорогое пальто и ажурные митенки. В руках у нее был саквояж.

— Вы так и будете сидеть в кресле? — заметила она, отставляя дверь в сторону.

Венциан открыл глаза. Он не знал, день или ночь, какое число и что вообще происходит в этом мире.

— Вы так и будете сидеть? — спросила нянюшка строгим голосом.

Венциан даже не шевельнулся. Перед его глазами кружилось розовое платье. А он улыбался, глядя на прекрасный призрак, который смеялся, запрокидывая голову. «Мышь волосатая! Глист корсетный!», — звенел в ушах ее голос.

— Понятно с вами все! — послышался голос мисс Миракл, которая маленькими шажочками прошла по роскошному ковру.

Она заглянула в невидящие глаза, покачала головой.

— Вы так доведете себя! — вздохнула мисс Миракл. — Ну что ж! Я знаю, как вас спасти!

Глаза едва заметно шевельнулись, а взгляд прилип к няне, поправляющей шляпку.

— Я думала, как вам помочь! И решила вас покинуть! — произнесла мисс Миракл. — У меня сердце разрывается, когда я представляю мисс Жанетт! Я пойду наниматься няней!

— Что? — губы едва шевельнулись. А взгляд стал осмысленным.

— Вы — мальчик уже большой, — вздохнула мисс Миракл, погладив по первой седине. Она отдернула руку, ужасаясь тому, как за одну ночь темные волосы стали почти седыми. — Если наделаете ошибок, то будете сами исправлять! И никто за вами больше бегать с чаем не будет! И уговаривать тоже! Сами все! Сами! Это быстро вернет вас к жизни! Слуг я уже распустила! Так что есть захотите — встанете!

— Я знаю, кто ты, — прошептал Венциан, вспоминая силушку няни. — Ты не должна наниматься как обычная прислуга. Это ниже твоего достоинства. Твой род давным — давно дал присягу моему. Я раскопал это в семейных архивах. И ты не имеешь права уходить из моей семьи!

— Посмотрим, — поправила дорогую шляпку мисс Миракл. Ее вещи были собраны, а больше она ничего не взяла. — Нужно хоть узнать, сколько нынче няням платят. Чтобы не опростоволоситься! Ну что ж, до встречи, мальчик мой. Я буду ждать тебя. Выздоровливай. И попробуй только мне дел наворотить!

Дверь за ней... упала, а нянюшка вышла из поместья и садилась в карету.

— Здравствуйте! Я — няня! — прокашлялась мисс Миракл, видя, как карета покидает старинное поместье. — Нет, не так! Вам няня случайно не нужна? О, нет! Не так! Я слышала, что вам нужна няня! Я думаю, я понравлюсь мисс Жанетт! О, мне не терпится увидеть эту бедную маленьку крошку!

Тем временем Венциан встал, понимая, что нужно жить дальше. Со стола съехала дарственная на Алмазные копи. В поместье стояла тишина. Нянюшка сдержала слово, распустив всех слуг.

— Нет, я все-таки доведу дело до конца! Теперь мне уже нечего терять, — выдохнул Венциан. Полный бокал полетел в камин,

вспыхивая страшным пламенем, отразившимся на бледном лице и на мгновение сверкнувшем в скатившейся слезинке.

Бен приехал через месяц, подавленный и неживой. Он мял в руках женскую перчатку, качая головой и роняя слезы.

— Ну хоть ты меня утешь! — горестно воскликнул он, бросаясь на шею друга. — Ты ведь ее тоже любил... Я знал об этом, но старался не думать... Я никогда не верил, что она предпочла меня тебе... Я до конца не верил. Мне казалось, что я вернусь, а служанка скажет мне, что мадам покинула поместье. Навсегда...

— Успокойся, — произнес Венциан, доставая документы. — Тебе нужно думать о приданном дочери!

— Нужно, — безвольно кивнул Бенджамин. — Нужно, я понимаю...

— И уже сейчас, — произнес Венциан. — Поэтому я решил не откладывать это дело! Алмазные Копи!

— Они существуют? — удивился Бенджамин, сморкаясь в платок. — Это правда?

— И всегда принадлежали моей семье! — заметил Венциан, скидывая со стола все, что мешалось. — Только денег это потребует много. Но и окупится так, что ты себе не представляешь! Думай о приданом дочери! Тебе ее замуж выдавать...

«И может быть однажды у меня будет своя фея! Я снова буду обнимать ее за талию, любоваться каждым ее локоном, и брошу мир к ее ногам...», — дрогнуло на мгновение сердце, постучавшись в душу надеждой.

— Ну да! Приданное нужно! Тем более, что помолвка моей дочери уже состоялась! Неделю назад! Я тебе не говорил! Не успел! Но теперь говорю. Жанетта выйдет замуж за маркиза! Он ее ровесник! Тоже еще маленький! Но у его отца есть такая власть! Недавно он купил себе газету! Да, да ту самую! — всхлипнул Бенджамин Беранже, утирая слезы платком. — Мы уже и дату свадьбы обсудили и выбрали! О, я думаю, что Жанетта будет счастлива!

— А небо все такое же... — усмехнулся о Венциан Аддерли, глядя на серые тучи, когда карета остановилась у страшного здания ночлежки. «Ночлежка Роджерса. Почти чисто. Почти удобно», — гласила старая потрескавшаяся вывеска.

— Может, вам помочь? — слышался голос поверенного. Он осматривался, видя беднейший из кварталов Авильона. Даже когда его заливало солнце, казалось, что он выглядит так убого. Серые полуразвалившиеся домишки жались друг к другу, опирались друг на друга, как старички.

— Я сам, — произнес Венциан Аддерли, тростью ударяя по руке поверенного. Тот отошел в сторону, давая возможность магическому креслу покинуть роскошную карету. Зонт с золотой ручкой в виде дракона в руке распахнулся поверенного, прикрывая от дождя пепельные волосы.

Запах дорогих духов не мог перебить ароматов самой дешевой ночлежки в Авильоне.

— Здесь, — коротко произнес поверенный, а его рука замерла в ожидании приказа постучать.

— Погоди, — прошептал Венциан, глядя на обшарпанную дверь.

За дверью слышались женские голоса. Один из них он узнал бы из тысячи. Второй он знал с детства и так давно не слышал.

— Они здесь, — кивнул Венциан Аддерли, сжимая подлокотники кресла. — Я узнал.

Он прислушивался к молодому, звонкому голосу.

— Ну что? Я стучусь? — едва слышно произнес поверенный.

Легкий кивок разрешил нарушить тишину отчетливым стуком.

— Как ты смеешь делать мне такие предложения, хрюз-дра-пер? Ты за кого меня держишь, чу-хо-блок, ты эдакий?! Или ты думаешь, что я соглашусь... Простите, тут неразборчиво... О! Одну минутку... — слышался слегка растерянный голос. Возле двери что-то прошуршало, словно кто-то читал с бумажки.

— Ну, что моя фея, посмотрим....